

Ричард Матесон

АДСКИЙ ДОМ

Писатель, который произвел на меня
самое сильное впечатление.

Стивен Кинг

Азбука-бестселлер

Ричард Матесон

Адский дом

«Азбука-Аттикус»

1971

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Матесон Р.

Адский дом / Р. Матесон — «Азбука-Аттикус», 1971 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-21987-8

Умирающий миллионер Дойч, озабоченный вопросом «Возможна ли жизнь после смерти?», нанимает группу ученых, специалистов по паранормальным явлениям, чтобы те исследовали такую возможность. Сроку на все неделя. Место проведения исследований – так называемый Адский дом, здание, знаменитое тем, что здесь в конце двадцатых годов нашли массу трупов гостей, приглашенных сюда хозяином, а тело владельца дома, маньяка и некроманта Эмерика Беласко, так и не обнаружили. С тех пор, по мнению многих, в доме обитают привидения... Роман «Адский дом» наравне с такими мировыми бестселлерами Ричарда Матесона, как «Я – легенда», «Невероятный уменьшающийся человек», и другими книгами мастера стал классикой американской литературы.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-21987-8

© Матесон Р., 1971

© Азбука-Аттикус, 1971

Содержание

18 декабря 1970 г.	7
20 декабря 1970 г.	12
21 декабря 1970 г.	15
22 декабря 1970 г.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ричард Матесон

Адский дом

Richard Matheson

HELL HOUSE

Copyright © 1971 by Richard Matheson; copyright renewed © 1999 by Richard Matheson

All rights reserved

© М. В. Кононов, перевод, 2006

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Ричард Матесон (1926–2013) – по мнению Рэя Бредбери, один из самых выдающихся американских писателей XX века. Журналист по образованию, он активно публиковался с 1950-х годов до конца своей жизни. Великий мастер литературы ужасов, неоднократный лауреат премии Брэма Стокера и прочих престижных жанровых премий, Матесон благодаря яркой образности не остался без внимания кинематографистов. Так, роман «Я – легенда» (1954) был экранизирован четыре раза. Писатель и сам часто выступал в качестве сценариста, например в фильме Стивена Спилберга «Дуэль» (1971). Также он является автором эпизодов для телевизионного сериала «Сумеречная зона».

* * *

Писатель, который произвел на меня самое сильное впечатление.

Стивен Кинг

Трудно, почти невозможно реально оценить важность вклада Матесона как в нашу культуру, так и в наше современное восприятие хоррора.

Pop Matters

В воображении Матесона, ироничном и образном, возникали оригинальные истории... Для меня он находится в той же категории, что Бредбери и Азимов.

Стивен Спилберг

Ричард Матесон, несомненно, достоин нашего внимания и нашей симпатии.

Рэй Бредбери

Матесон не просто мастерски работает в жанре хоррор, он мастер острой, по-настоящему талантливой прозы.

Tor.com

Матесон был источником вдохновения для меня и для очень многих.

Энн Райс

Истории Матесона... тревожат и волнуют читателя на чисто человеческом уровне. И они никогда не отпускаю его до последних страниц.
Los Angeles Times

Писатель словно под лупой наблюдает изменение психологического состояния своих героев и благодаря блестящему языковому мастерству очень тонко передает атмосферу страха и одиночества. Терзаемые души во всей своей наготе и разнообразии предстают перед нами.
Мир фантастики

Где Матесон особо блистает, так это в описании того привычного ужаса, когда странные события вторгаются в повседневную жизнь людей... Этот леденящий душу шелест страниц по-прежнему современен и служит отличной отправной точкой для нового поколения читателей.
Kirkus Reviews

* * *

*С любовью к моим дочкам Беттине и Алисон,
которые стали таким милым наваждением в моей жизни*

18 декабря 1970 г.

15 ч 17 мин

В то утро с пяти часов всюду лил дождь. «Погодка вполне соответствует», – подумал доктор Барретт и не сдержал улыбки. Он ощущал себя персонажем одного из современных готических романов. Тут тебе и проливной дождь, и холод, и двухчасовая поездка в длинном, с кожаной обивкой внутри лимузине, что послал за ним Дойч. А потом бесконечное ожидание в коридоре, пока какие-то мужчины и женщины, время от времени поглядывая на него, торопливо сновали в спальню Дойча и обратно.

Доктор Барретт достал из кармана куртки часы и открыл крышку. Он просидел здесь уже больше часа. Что нужно от него Дойчу? Наверняка это будет связано с парапсихологией. Во множестве газет и журналов, финансируемых стариком, вечно печатаются статьи на подобные темы: «Возвращение из могилы», «Девочка, которая никогда не умрет» – неизменно сенсационно, но редко основано на реальных фактах.

Сморщившись от усилия, доктор Барретт положил правую ногу на левую. Это был высокий грузноватый мужчина в середине шестого десятка, его редкие светлые волосы сохранили свой цвет, хотя в подстриженной бороде проглядывала седина. Он выпрямился на стуле с высокой спинкой и взглянул на дверь в спальню Дойча. Эдит внизу, наверное, уже беспокоится. Барретт жалел, что взял ее с собой. Но кто мог знать, что это займет столько времени.

Дверь спальни Дойча отворилась, и вышел его секретарь Хэнли.

– Доктор, – пригласил он.

Барретт потянулся за тростью и встал. Проковыляв через прихожую, он встал перед невысоким секретарем и подождал, пока тот заглянул в дверь и объявил:

– Доктор Барретт, сэр.

Барретт протиснулся мимо Хэнли и вошел, секретарь закрыл за ним дверь.

Обшитая темными панелями спальня казалась необъятной. «Святылище монарха», – подумал Барретт, двигаясь по ковру. Остановившись у массивной кровати, он посмотрел на сидящего в постели старика. Семидесятивосьмилетний Ролф Рудольф Дойч был лыс и скелетообразен, с пронзительным взглядом глубоко запавших темных глаз. Барретт улыбнулся.

– Добрый день, – вежливо произнес он, в который раз удивляясь тому, что такая развалина правит целой империей.

– Вы хромой, – просипел Дойч. – Мне не сказали об этом.

– Что, простите? – насторожился Барретт.

– Ладно, – оборвал его Дойч. – Полагаю, это не имеет решающего значения. Мои люди рекомендовали вас. Говорят, вы входите в пятерку лучших в своей области. – Он тяжело вздохнул. – Ваш гонорар составит сто тысяч долларов.

Барретт вздрогнул.

– Вам следует установить факты.

– Относительно чего? – спросил Барретт.

Дойч колебался, прежде чем ответить, словно считая это ниже своего достоинства, но в конце концов сказал:

– Относительно загробной жизни.

– Вы хотите, чтобы я...

– ...чтобы вы сказали мне, соответствует это действительности или нет.

У Барретта упало сердце. Такая сумма способна преобразить для него весь мир, но все же как быть с совестью?

– Мне не нужна ложь, – продолжал Дойч. – Я покупаю любой ответ. Но правдивый и точный.

Барретт ощутил прилив отчаяния.

– Но как я смогу убедить вас в точности того или иного ответа? – вырвалось у него.

– Если предоставите мне *факты*, – раздраженно ответил Дойч.

– Где я их найду? Я физик. За двадцать лет изучения парапсихологии я так и не...

– Если они существуют, – перебил его Дойч, – вы найдете их в единственном известном мне на земле месте, где можно подтвердить или опровергнуть концепцию загробной жизни. В доме Беласко в Мэне.

– В Адском доме?

В глазах старика что-то блеснуло.

– В Адском доме, – подтвердил он.

Барретт затрепетал от возбуждения:

– Мне казалось, после того, что случилось, наследники Беласко опечатали его...

– Это было тридцать лет назад, – снова перебил его Дойч. – А теперь им понадобились деньги, и это место купил я. Вы можете быть там к понедельнику?

Барретт колебался, но, увидев, что Дойч собирается нахмуриться, кивнул:

– Да.

Такой шанс упустить нельзя.

– С вами будут еще двое, – сказал Дойч.

– Могу я спросить кто?..

– Флоренс Таннер и Бенджамин Франклин Фишер.

Барретт постарался скрыть разочарование. Чрезмерно эмоциональная спирит-медиум и единственный выживший после катастрофы 1940 года. Он с трудом удержался от возражений. У него есть своя группа экстрасенсов, и вообще непонятно, как Флоренс Таннер или Фишер могут быть полезны в предстоящем деле. Фишер в детстве проявлял невероятные способности, но потом, после катастрофы, явно утратил свой дар, неоднократно попадался на мошенничестве и в конце концов совсем исчез из виду. Барретт вполуха слушал слова Дойча о том, что Флоренс Таннер полетит на север вместе с ним, а Фишер встретит их обоих в Мэне.

Старик заметил выражение его лица:

– Не беспокойтесь, руководить будете вы. Таннер едет туда лишь потому, что мои люди считают ее первоклассным медиумом...

– Но лишь ментальным медиумом, – вставил Барретт.

– ...а я хочу использовать и этот подход, так же как и ваш, – продолжил Дойч, словно Барретт ничего не говорил. – Смысл присутствия Фишера очевиден.

Барретт кивнул. Ничего не поделаешь. Но когда проект будет запущен, придется привезти кого-то из своих людей.

– Касательно расходов... – начал он.

Старик отмахнулся:

– Оставим это, Барретт. В средствах вас никто не ограничивает.

– А время?

– А вот времени у вас почти нет. Ответ нужен мне через неделю.

Барретт побледнел.

– Соглашайтесь или не беритесь! – рявкнул старик, и в его голосе слышалась неприкрытая ярость.

Барретт понял, что нужно соглашаться, или он потеряет такую возможность – а *шанс* был, если он вовремя построит свой аппарат.

Он кивнул:

– Хорошо, через неделю.

15 ч 50 мин

– Что-то еще? – спросил Хэнли.

Барретт в уме еще раз пробежался по всем пунктам. Перечень всех необыкновенных явлений, зафиксированных в доме Беласко. Восстановление системы электроснабжения. Установка телефона. Плавательный бассейн и парилка. Он проигнорировал легкое недовольство на лице секретаря при упоминании четвертого пункта. Ежедневное плавание и парилка ему необходимы.

– Еще, – сказал он, стараясь говорить непринужденно, но понял, что выдал свое возбуждение. – Мне нужно соорудить специальный прибор. У меня в номере есть схема.

– Как скоро он вам понадобится? – спросил Хэнли.

– Чем скорее он будет закончен, тем лучше.

– Он большой?

«Двенадцать лет», – подумал Барретт и сказал:

– Довольно большой.

– И все?

– Все, что я могу придумать в данный момент. Конечно, я не упомянул условий проживания.

– Для вас будет отремонтировано просторное помещение. Готовить и доставлять пищу будет одна пара из Карибу-Фолс. – Хэнли как будто сдержал улыбку. – Они отказываются ночевать в этом доме.

Барретт встал:

– Что ж, оно и к лучшему. Они бы только мешали.

Хэнли проводил его до двери в библиотеку, но не успели они подойти, как дверь распахнул тучный человек и уставился на Барретта. Хотя и был лет на сорок младше и фунтов на сто тяжелее, Уильям Рейнхарт Дойч имел несомненное сходство с отцом.

– Предупреждаю сразу, – проговорил Уильям Дойч, захлопнув дверь, – я собираюсь воспрепятствовать этой затее.

Барретт уставился на него.

– Я серьезно, – сказал Дойч. – Это же пустая трата времени, верно? Заявите это письменно, и я тут же выпишу вам чек на тысячу долларов.

Барретт напрягся:

– Боюсь, что...

– Ведь ничего сверхъестественного не существует, верно?

У Дойча побагровела шея.

– Совершенно верно, – ответил Барретт, и на лице его собеседника появилась торжествующая улыбка. – Правильнее говорить «выходящего за границы нормального». Естественное не может быть чрезмерным...

– Какая, к черту, разница! – прервал его Дойч. – Все равно все это суеверия!

– Мне очень жаль, но это не так, – возразил Барретт. – А теперь, если позволите...

Дойч схватил его за руку:

– Берегитесь, вам лучше бросить это дело. Все равно вы никогда не получите этих денег...

Барретт высвободил руку:

– Делайте что хотите. Я буду этим заниматься, пока ваш отец не даст приказа остановиться.

Он закрыл дверь и пошел по коридору. «То немного, что известно науке на сегодня, – мысленно ответил он Дойчу, – вполне доказывает, что всякий, считающий парапсихические феномены суевериями, просто не сознает, что происходит в мире. Не счесть научных документов, которые...»

Он остановился и прислонился к стене. Снова разболелась нога. Впервые он позволил себе признать, насколько трудным это может оказаться – провести неделю в доме Беласко.

А что, если ситуация там действительно так плоха, как утверждали два отчета?

16 ч 37 мин

«Роллс-ройс» мчался по шоссе к Манхэттену.

– Это же страшная куча денег!

Эдит все не могла поверить.

– Не для него, – ответил Барретт. – Особенно если считаешь, что платишь за гарантированное бессмертие.

– Но он должен знать, что ты не веришь...

– Уверен: знает, – перебил ее Барретт. Ему не хотелось думать, что, возможно, Дойчу не сказали. – Он не из тех, кто берется за что-то, не получив полной информации.

– Но сто тысяч долларов!

Барретт улыбнулся:

– Мне и самому не поверилось. Будь я похож на свою мать, я бы, несомненно, счел это Божьим чудом. В жизни я не смог добиться двух вещей, и они связаны между собой – доказать мою теорию и обеспечить нашу старость. Поистине я не мог просить большего!

Эдит улыбнулась в ответ:

– Рада за тебя, Лайонел.

– Спасибо, дорогая.

Он потрепал ее по руке.

– К вечеру понедельника, – снова забеспокоилась Эдит. – У нас не так уж много времени.

– Мне кажется, что лучше поехать туда одному.

Она уставилась на него.

– Ну, конечно, я буду не один, – объяснил Барретт. – Будут еще двое.

– А как ты будешь там питаться?

– Все предусмотрено. Мне придется лишь работать.

– Но ведь я всегда тебе помогала.

– Знаю. Дело не в том...

– А в чем?

Он замялся:

– Может быть, на этот раз тебе лучше не быть рядом, вот и все.

– Почему, Лайонел? – Барретт не ответил, и она тревожно взглянула на него. – Дело во мне?

– Разумеется, нет. – Он смущенно улыбнулся. – Все дело в этом доме.

– Разве это не еще один так называемый дом с привидениями? – спросила она, используя его же слова.

– Боюсь, что нет, – признал он. – Можно сказать, это Эверест среди домов с привидениями. Было две попытки исследовать его – в тысяча девятьсот тридцать первом году, а потом в сороковом. Обе закончились несчастьем. Восемь участников или были убиты, или сами покон-

чили с собой, или сошли с ума. Выжил лишь один, и не знаю, насколько уцелел его рассудок. Это Бенджамин Фишер – один из тех двоих, что будут работать со мной.

В общем-то, я боюсь не этого, – продолжил Барретт, попытавшись смягчить свои слова. – Я уверен в своих знаниях. Просто некоторые детали исследования могут оказаться, – он пожал плечами, – не слишком приятными.

– И при этом ты хочешь, чтобы я отпустила тебя одного?

– Дорогая...

– А что, если с тобой что-то случится?

– Ничего не случится.

– А если? Со мной в Нью-Йорке, а с тобой в Мэне?

– Эдит, ничего не случится.

– Тогда нет причин, почему бы мне не поехать. – Она попыталась улыбнуться. – Я не боюсь, Лайонел.

– Знаю.

– Я не буду тебе мешать.

Барретт вздохнул.

– Знаю, что я многого не понимаю в твоей работе, но всегда могу чем-то помочь. Упаковать и распаковать твоё оборудование, например. Помогать ставить эксперименты. Дпечатать твою рукопись – ты говорил, что хочешь закончить ее к началу года. И мне хочется быть с тобой, когда ты докажешь свою теорию.

Барретт кивнул:

– Позволь мне подумать.

– Я не буду мешать, – пообещала она. – И я знаю, что во многом могу помочь.

Он снова кивнул, пытаясь все обдумать. Ясно, она не хочет оставаться. Это похвально. Если не считать трех недель в Лондоне в 1962 году, они после женитьбы никогда не разлучались. Действительно, ведь никому не будет хуже оттого, что он возьмет ее с собой. На своем веку она достаточно встречалась с парапсихическими явлениями, чтобы привыкнуть к ним.

И все же было абсолютно неизвестно, что ждет их в этом доме. И Адским домом его прозвали совсем не случайно: там присутствовали какие-то силы, в результате действия которых физически или умственно оказались уничтожены восемь человек, причем трое из них, как и он, были учеными.

И если даже он не сомневается в собственной компетентности и знании природы этой силы, неужели он решится подвергнуть ее действию Эдит?

20 декабря 1970 г.

22 ч 39 мин

Флоренс Таннер пересекла двор, отделявший ее небольшой домик от церкви, и вышла по переулку на улицу. Встав на тротуаре, она любовалась церковным зданием. Это был всего лишь перестроенный склад, но для нее в последние шесть лет церковь стала всем. Взглянув на надпись на свежевыкрашенном окне: «Храм душевной гармонии», Флоренс улыбнулась. Вот уж действительно. Эти шесть лет были самыми душевно гармоничными в ее жизни.

Она подошла к двери, повернула ключ в замке и вошла внутрь. Ее встретила приятная теплота. Ощувив привычный трепет, Флоренс включила стенную лампу в вестибюле, и взгляд, как всякий раз, тут же упал на доску объявлений.

«Воскресное богослужение – 11:00, 20:00.

Исцеления и пророчества – по вторникам в 19:45.

Лекции и духовные наставления – по средам в 19:45.

Послания и откровения – по четвергам в 19:45.

Святое общение – первое воскресенье месяца».

Обернувшись, она посмотрела на фотографию на стене и напечатанные над ней слова: «Преподобная Флоренс Таннер». На несколько мгновений она ощутила удовольствие от осознания собственной красоты. Никто не дал бы ей сорока трех, в длинных рыжих волосах ни намек на седину, высокая статная фигура почти так же стройна, как на третьем десятке. Она с улыбкой упрекнула себя: «Суета сует».

Флоренс прошла по застеленному ковром проходу между рядами и, поднявшись на помост, встала в привычной позе за кафедрой. Перед ней открылись ряды кресел с возвышением для пения псалмов в каждом третьем, и, взглянув на паству перед собой, она прошептала: «Дорогие мои».

Она говорила с ними на утренней и вечерней службе. Говорила им о своей необходимости на следующей неделе побыть вдали от них. Говорила об ответе на их молитвы – о предстоящем строительстве новой, настоящей церкви, которая станет их собственностью, и обо всей значительности этого события. И просила молиться за нее, когда она будет вдали.

Флоренс вцепилась в кафедру и закрыла глаза. Ее губы слегка шевелились, она молила Бога дать ей сил, чтобы очистить дом Беласко. История этого дома была жуткой, полной смертей, самоубийств и сумасшествия. Он был страшнейшим образом осквернен, и она молилась, чтобы положить конец висящему над ним проклятию.

Закончив молитву, Флоренс подняла голову и обвела взглядом церковь. Она любила ее всей душой. И все же, чтобы построить настоящую церковь для своей паствы, нужно иметь истинный дар небес. А к Рождеству... Она улыбнулась, а в глазах блеснули слезы.

Бог милостив.

23 ч 17 мин

Эдит закончила чистить зубы и посмотрела на себя в зеркало – на коротко стриженные золотисто-каштановые волосы, сильные, почти мужские черты. На лице читалась тревога. Обеспокоенная этим, она выключила свет в ванной и вернулась в спальню.

Лайонел спал. Эдит села на кровать и посмотрела на него, прислушиваясь к его тяжелому дыханию. «Бедняжка, – подумала она. – У него было столько работы». К десяти часам он совсем изнемог, и она заставила его лечь.

Эдит легла сбоку и продолжила смотреть на мужа. Никогда раньше она не видела его таким озабоченным. Лайонел взял с нее обещание, что она не отойдет от него ни на шаг, когда они прибудут в дом Беласко. Неужели там так опасно? Она бывала с ним в других домах с привидениями и никогда не боялась. Он всегда был спокоен и уверен; рядом с ним не приходило в голову чего-то бояться.

Да, дом Беласко настолько тревожил Лайонела, что он настаивал, чтобы она не отходила от него ни на шаг. Эдит поехала. Неужели ее присутствие мешает ему? Неужели забота о ней потребует столько его и так не безграничных сил, что это отразится на работе? Она не хотела этого, зная, как много для него значит его работа.

И все же она должна ехать. И вынесет все, лишь бы не быть одной. Она не говорила Лайонелу, как близка была к психологическому срыву в те три месяца 1962 года, когда он уехал. Это бы только расстроило его, а для выполняемой работы ему требовалась полная сосредоточенность. И потому она лгала по телефону и прикидывалась веселой в те три раза, когда он звонил, а потом, в одиночестве, плакала и вся тряслась, принимала транквилизаторы, не могла спать и есть, потеряла в весе тринадцать фунтов и боролась с навязчивым желанием разом покончить со всеми переживаниями. Наконец, встретив его в аэропорту, бледная и улыбающаяся, она сказала, что переболела гриппом.

Эдит закрыла глаза и вытянула ноги. Она не перенесет этого снова. Самый страшный в мире дом с привидениями пугал ее меньше, чем одиночество.

23 ч 41 мин

Он не мог уснуть. Фишер открыл глаза и оглядел кабину личного самолета Дойча. «Странно сидеть в кресле в самолете», – подумалось ему. Вообще, странно сидеть в самолете. Никогда в жизни он не летал.

Фишер потянулся к кофейнику и налил себе еще чашку. Он потер глаза и выбрал один из журналов, лежавших на кофейном столике перед ним. Журнал оказался из тех, что издавал Дойч. «Ну да, как же иначе?» – усмехнулся он.

Вскоре его взгляд затуманился, и буквы перед глазами стали сливаться. «Вот я и возвращаюсь», – подумал Фишер. Единственный из девяти выбрался оттуда живым, и вот – возвращается за продолжением.

В то сентябрьское утро 1940 года его нашли лежащим на крыльце дома. Голый, он свернулся в клубок, как эмбрион, и, весь дрожа, смотрел в пустоту. Когда его положили на носилки, он начал кричать и плевать кровью, все мышцы свело напряжением, они словно окаменели. Три месяца Фишер пролежал в коме в больнице Карибу-Фолс. Когда за месяц до своего шестнадцатилетия он открыл глаза, то выглядел изможденным человеком лет тридцати. А теперь ему исполнилось сорок пять, это был худой поседевший мужчина с темными глазами, и лицо его не покидали подозрительная настороженность.

Фишер вытянулся в кресле. «Ну и что, это было давным-давно», – подумал он. Ему уже не пятнадцать, и он больше не наивен и легковерен, не такая доверчивая жертва, каким был в 1940-м. На этот раз все будет иначе.

Никогда в самых диких фантазиях ему не представлялось, что доведется попасть в этот дом. После смерти матери он переехал на Западное побережье. Возможно, как он понял позже, ему просто хотелось оказаться как можно дальше от Мэна. В Лос-Анджелесе и Сан-Франциско он несколько раз неуклюже смошенничал, намеренно оттолкнув от себя как спиритов, так и

ученых. А потом тридцать лет влачил жалкое существование: мыл посуду, работал на ферме, торговал вразнос, служил сторожем – делал все, чтобы зарабатывать на жизнь, не напрягая ума.

И все же каким-то образом он сохранил свою способность и пестовал ее. Она оставалась – может быть, не такая эффектная, как когда ему было пятнадцать, но по сути почти не изменилась, – и теперь она подкреплялась рассудительностью мужчины, а не самоубийственным высокомерием подростка. Он был готов напрячь расслабленные психические мускулы, поупражнять и укрепить их, чтобы использовать вновь. Против этого очага заразы в Мэне.

Против Адского дома.

21 декабря 1970 г.

11 ч 19 мин

По дороге, петлявшей через густой лес, двигались два черных «кадиллака». В передней машине находился представитель Дойча, а доктор Барретт, Эдит, Флоренс Таннер и Фишер ехали во втором лимузине с шофером. Фишер сидел на откидном сиденье лицом к трем остальным.

Флоренс положила ладонь на руку Эдит.

– Надеюсь, я не показалась вам неприветливой, – сказала она. – Я лишь беспокоилась о вас. Поездка в этот дом...

– Я понимаю, – ответила Эдит и убрала руку.

– Я был бы благодарен, мисс Таннер, если бы вы не волновали мою жену раньше времени, – сказал Барретт.

– У меня нет такого намерения, доктор. Однако... – Чуть поколебавшись, Флоренс продолжила: – Я надеюсь, вы уже подготовили миссис Барретт.

– Моя жена предупреждена о том, что могут возникнуть... необычные явления.

Фишер хмыкнул.

– Можно сказать и так, – заметил он, и это были его первые слова за прошедший час.

Барретт повернулся к нему:

– Она также предупреждена, что эти явления никоим образом не будут означать присутствие умерших.

Фишер кивнул и достал пачку сигарет:

– Ничего, если я закурю?

Его взгляд пробежал по лицам, и он, не услышав возражений, закурил.

Флоренс хотела сказать Барретту что-то еще, но передумала.

– Странно, что подобный проект финансирует такой человек, как Дойч, – проговорила она. – Никогда бы не подумала, что он интересуется подобными вещами.

– Он стар, – ответил Барретт, – думает о смерти и хочет верить, что это еще не конец.

– Конечно не конец.

Барретт улыбнулся.

– Ваше лицо кажется мне знакомым, – обратилась Эдит к Флоренс. – Почему бы это?

– Несколько лет назад я была актрисой. В основном работала на телевидении, в случайных фильмах, под псевдонимом Флоренс Майклс.

Эдит кивнула.

Флоренс посмотрела на Барретта, потом на Фишера:

– Что ж, будет интересно поработать с двумя такими титанами. Как этому дому устоять перед нами?

– А почему его называют Адским домом? – спросила Эдит.

– Потому что его владелец, Эмерик Беласко, создал там свой собственный ад, – ответил ей муж.

– И он – одно из привидений, якобы населяющих дом?

– Одно из многих, – сказала Флоренс. – Явления слишком сложны, чтобы быть работой одного неумершего духа. Очевидно, это случай множественной одержимости.

– Скажем просто: там что-то есть, – вмешался Барретт.

Флоренс улыбнулась:

– Согласна.

– И ты разделяешься с этим при помощи своего аппарата, – не спросила, а скорее пояснила для остальных Эдит.

Флоренс и Фишер посмотрели на Барретта.

– Скоро я все объясню, – ответил он.

Начался спуск, и все посмотрели в окно.

– Мы почти приехали, – сказал Барретт и взглянул на Эдит. – Дом находится в долине Матаваски.

Впереди в окружении гор открылась затянутая густым туманом долина. Фишер ткнул сигарету в пепельницу и выдохнул дым. Снова взглянув вперед, он вздрогнул:

– Въезжаем.

Автомобиль вдруг нырнул в зеленоватую мглу. Водитель снизил скорость, и все увидели, как он, наклонившись вперед, вглядывается сквозь лобовое стекло. Потом он включил противотуманные фары и дворники.

– Как кому-то могло прийти в голову построить дом в таком месте? – проговорила Флоренс.

– Для Беласко здесь сияло солнце, – заметил Фишер.

Все принялись вглядываться через окно в клубящийся туман. Казалось, что они на подводной лодке медленно пробираются по морю из простокваши. Время от времени по сторонам вырисовывались деревья, или кусты, или каменные глыбы, а потом исчезали. Единственным нарушавшим тишину звуком был шум мотора.

Наконец машина затормозила. Впереди стоял другой «кадиллак». Послышался приглушенный звук захлопнувшейся двери, потом из тумана возникла фигура представителя Дойча. Барретт отжал кнопку, и окно рядом с ним опустилось. Он сморщился от затхлого запаха тумана.

Представитель Дойча наклонился к окну.

– Мы на повороте, – сообщил он. – Ваш шофер поедет с нами в Карибу-Фолс, так что за руль придется сесть кому-то из вас, чтобы доехать до дома, – это совсем рядом. Телефон подключен, электричество подано, ваши комнаты готовы. – Он посмотрел на пол машины. – Продукты в этой корзине будут приносить после полудня. Ужин будет доставляться в шесть. Есть какие-нибудь вопросы?

– Нам понадобится ключ от входной двери? – спросил Барретт.

– Нет, она не заперта.

– И все-таки возьмите, – посоветовал Фишер.

Барретт взглянул на него, а потом опять на человека Дойча:

– Возможно, так и правда будет лучше.

Представитель достал из кармана пальто связку ключей и, отцепив один, протянул Барретту.

– Что-нибудь еще?

– Если что, мы позвоним.

Он коротко улыбнулся:

– В таком случае счастливого пути, – и отвернулся.

– Надеюсь, он сказал «до свидания», – заметила Эдит.

Барретт улыбнулся, поднимая стекло.

– Я поведу, – вызвался Фишер.

Он перелез через спинку на переднее сиденье, завел мотор и повернул налево по наезженной щебеночно-асфальтовой дороге.

Эдит вдруг глубоко вздохнула:

– Хотела бы я знать, чего ожидать.

– Чего угодно, – не оглядываясь, сказал Фишер.

11 ч 47 мин

В течение пяти минут Фишер с черепашьей скоростью вел «кадиллак» по узкой туманной дороге. Потом затормозил и выключил двигатель.

– Прибыли, – сказал он, открыл дверцу и, застегнув свой морской бушлат, нырнул наружу.

Эдит обернулась, услышав, как Лайонел открыл дверь рядом с собой. Подождав, пока он вылезет, она последовала за ним и поежилась:

– Холодно. Да еще этот *запах!*

– Наверное, где-то рядом болото.

К ним присоединилась Флоренс, и все четверо молча начали озираться.

– Туда, – наконец проговорил Фишер, глядя через капот автомобиля.

– Давайте осмотримся, – предложил Барретт. – Багаж мы можем принести позже. Вы нас проведете? – обратился он к Фишеру.

Тот двинулся вперед.

Пройдя всего несколько шагов, они наткнулись на каменный мост, и, проходя по нему, Эдит заглянула через перила. Если внизу и была вода, то ее скрывал туман. Эдит оглянулась. Лимузин тоже уже поглотило туманом.

– Не свалитесь в пруд, – донесся спереди голос Фишера.

Она повернулась и увидела впереди водную поверхность, а слева – изгибающуюся, посыпанную гравием дорожку. Поверхность воды напоминала мутный желатин, забрызганный пятнами мелкого мусора, травы и листьев. Над всем этим витали миазмы гниения, а на берегу возвышались зеленые от скользкой тины камни.

– Теперь понятно, откуда этот запах. – Барретт покачал головой. – У Беласко, конечно, был пруд.

– Ублюдочная Топь, – сказал Фишер.

– Почему вы так его называли?

Фишер промолчал, а потом ответил:

– Расскажу позже.

Теперь они шли молча, слышался лишь шорох гравия под ногами. От холода пробирала дрожь, клейкая сырость словно проникала до костей. Эдит подняла воротник пальто, взяла Лайонела под руку и смотрела себе под ноги. Сразу за ними шла Флоренс Таннер.

Когда Лайонел наконец остановился, Эдит быстро подняла голову.

Перед ними в тумане маячила громада дома.

– *Отвратительный*, – сказала Флоренс, чуть ли не со злобой.

Эдит взглянула на нее.

– Мы даже еще не вошли внутрь, мисс Таннер, – заметил Барретт.

– Мне не нужно заходить внутрь.

Флоренс повернулась к Фишеру, который рассматривал дом, и увидела, что он дрожит. Она взяла его за руку, и он так стиснул ее кисть, что Флоренс сморщилась.

Барретт и Эдит смотрели на укутанное туманом, как саваном, здание. Во мгле дом напоминал какой-то призрачный утес, преграждающий им путь. Внезапно Эдит наклонилась.

– У него нет окон, – тихо проговорила она.

– Он замуровал их, – сказал Барретт.

– Зачем?

– Не знаю. Возможно...

– Мы попусту теряем время, – прервал его Фишер и, отпустив руку Флоренс, поспешил вперед.

Они преодолели последние ярды по засыпанной гравием дорожке и по ступеням поднялись на крыльцо. Эдит заметила, что ступени все потрескались и из щелей растут поганки и пожелтевшая от мороза трава.

Они остановились перед массивной двустворчатой дверью.

– Если она откроется сама, я уеду домой, – попыталась пошутить Эдит.

Барретт схватился за ручку и потянул. Дверь не поддавалась. Он посмотрел на Фишера.

– Такое с вами случалось?

– Не раз.

– Хорошо, что у нас есть ключ.

Барретт достал его из кармана пальто и вставил в скважину. Но ключ не поворачивался. Барретт дергал его туда-сюда, стараясь расшатать замок.

И вдруг ключ повернулся, и тяжелая дверь распахнулась. Эдит вздрогнула.

– Что это? – прошептала она.

– Для тревоги нет причин, – поспешил успокоить ее Барретт.

– Это всего лишь противодействие, миссис Барретт, – объяснила Флоренс. – Ваш муж совершенно прав. Тревожиться не о чем.

Фишер пошарил по стене в поисках выключателя, а потом все услышали, как он щелкает им туда-сюда без всякого результата.

– Неплохо для только что восстановленной электропроводки, – сказал он.

– Очевидно, генератор слишком старый, – ответил Барретт.

– Генератор? – снова удивилась Эдит. – Тут нет электросети?

– В долине не так много домов, чтобы тянуть сеть.

– Тогда как же они установили телефон?

– Это полевой телефон, – объяснил Барретт и заглянул в дом. – Что ж, мистеру Дойчу придется обеспечить нам новый генератор, вот и все.

– Вы считаете, что это выход? – с сомнением проговорил Фишер.

– Конечно, – ответил Барретт. – Поломку старого генератора вряд ли можно квалифицировать как парапсихическое явление.

– И что мы будем делать? – спросила Эдит. – Останемся в Карибу-Фолс, пока не установят новый генератор?

– Это может занять несколько дней, – сказал Барретт. – Что ж, пока он не прибудет, придется жечь свечи.

– Свечи, – повторила Эдит.

Ее тон вызвал у Барретта улыбку.

– Всего день или около того.

Она кивнула, но ее ответная улыбка тут же погасла. Барретт заглянул внутрь дома.

– Остается вопрос, – сказал он, – как тут найти свечи? Полагаю, внутри должно быть сколько-нибудь... – Он замолк, увидев, как Фишер достал из кармана фонарик, а потом проговорил: – А-а-а.

Фишер включил фонарик, направил луч внутрь и, собравшись с духом, перешагнул порог.

Барретт двинулся за ним. Прислушиваясь, он прошел в дверной проем, а потом повернулся и протянул руку Эдит. Схватившись за нее, она вошла в дом и пожаловалась:

– Этот запах. Еще хуже, чем снаружи.

– Это очень старый дом без всякой вентиляции, – откликнулся Барретт. – Тут еще может быть печь, которой не пользовались больше двадцати девяти лет. Вы заходите, мисс Таннер?

Слабо улыбнувшись, Флоренс кивнула:

– Да.

Набрав в грудь воздуха, она выпрямилась и шагнула внутрь.

– Ну и *атмосфера* здесь...

Ее как будто тошнило.

– Атмосфера этого света, а не того, – сухо проговорил Барретт.

Фишер шарил лучом фонарика по темному и оттого кажущемуся бескрайним вестибюлю. Узкий пучок света судорожно прыгал с места на место, на мгновение замирая на неуклюжих предметах мебели, огромных картинах, гигантских, покрытых пылью гобеленах, широкой лестнице, изгибом уходящей в темноту. Коридор на втором этаже выходил к вестибюлю, а еще выше в тених терялись панели безграничного потолка.

– Тут все довольно непритязательно, – заметил Барретт.

– Вовсе нет, – возразила Флоренс. – От всего этого разит высокомерием.

Барретт вздохнул:

– Что разит, это точно. – Он посмотрел направо. – Согласно планировке там должна быть кухня.

Эдит вместе с ним прошла через вестибюль, и звуки их шагов по паркету гулко разнеслись по сумрачному помещению.

Флоренс огляделась.

– Оно знает, что мы здесь, – проговорила она.

– Мисс Таннер... – нахмурился Барретт. – Пожалуйста, не сочитите, что я ограничиваю вашу...

– Извините, – сказала Флоренс. – Постараюсь держать свои наблюдения при себе.

Они добрались до коридора и двинулись по нему – впереди Фишер, за ним Барретт с Эдит, а позади всех Флоренс. Коридор заканчивался обитой металлом двустворчатой дверью. Фишер толкнул одну створку, шагнул в кухню и придержал дверь для остальных. Когда все вошли, он позволил двери закрыться и обернулся.

– Боже милостивый!

Глаза Эдит следовали за лучом фонарика, которым Фишер шарил по кухне.

Кухня казалась огромной, и все в ней поражало своими размерами: по периметру стояли стальные стойки, высокие стенные шкафы за темными панелями, длинная двойная раковина, гигантская плита с тремя духовками и массивный, выше человеческого роста, холодильник, в который можно было входить как в кладовку. В центре помещения, подобно гигантскому гробу со стальной крышкой, возвышался мармит¹.

– Должно быть, хозяин устраивал большие приемы, – заметила Эдит.

Фишер фонариком указал на электрические часы над плитой. Стрелки остановились на 7:31. «Утра или вечера и какого дня?» – подумал Барретт. Он проковылял вдоль стены вправо и стал выдвигать ящики. Эдит и Флоренс стояли рядом и наблюдали. Барретт открыл дверцу одного стенного шкафа и хмыкнул, когда Фишер посветил туда фонариком.

– Вот и дүхи, – сказал он, увидев на полках покрытые слоем пыли бутылки. – Возможно, мы воскресим кого-нибудь после ужина.

Фишер вытащил из одного ящика пожелтевшую картонку и посветил себе фонариком.

– Что это? – спросил Барретт.

– Их меню на двадцать седьмое марта тысяча девятьсот двадцать восьмого года. Суп из креветок. Сладкое мясо в собственном соусе. Тушеный каплун. Цветная капуста в сливках. На десерт миндальное суфле: молотые миндальные орехи, взбитые с яичными белками и густыми сливками.

– Все его гости, должно быть, страдали от изжоги, – усмехнулся Барретт.

---

¹ *Мармит* – подогревательный шкаф в ресторанах.

– Они страдали от другого, – сказал Фишер, вынимая из ящика коробку со свечами.

12 ч 19 мин

Они снова пересекли вестибюль, каждый со свечой в подсвечнике. От колеблющегося при движении света их тени колыхались на стенах и потолке.

– Вон там должен быть большой зал, – сказал Барретт.

Они прошли под глубокую шестифутовую арку и остановились. Эдит и Флоренс почти одновременно вскрикнули, а Барретт, подняв свечу, чтобы было лучше видно, тихо присвистнул.

Зал длиной в девяносто пять и шириной в сорок семь футов занимал два этажа, и его стены на восьмифутовую высоту покрывали каштановые панели, а выше виднелись грубо обтесанные камни. В дальнем конце помещения возвышался огромный камин, облицованный резным камнем.

Вся мебель была древней, не считая разбросанных стульев и диванов, обитых по моде двадцатых годов. Там и сям на пьедесталах виднелись мраморные статуи. В дальнем углу стоял большой концертный рояль, а в центре зала – круглый стол диаметром более двадцати футов и вокруг него шестнадцать стульев с высокими спинками; над столом висела большая люстра. «Неплохое место, чтобы установить оборудование», – подумал Барретт. В зале, очевидно, к их приезду сделали уборку.

– Пойдемте поскорее, – сказал Барретт, опуская свечу.

Они покинули большой зал, еще раз прошли через вестибюль под нависающей лестницей и свернули направо, в другой коридор. Через несколько ярдов слева обнаружился ряд дверей из орехового дерева. Барретт толкнул одну и заглянул внутрь.

– Театр, – сообщил он.

Морщась от неприятного запаха, они вошли. Театр был рассчитан на сто человек, его стены покрывала старинная красная парча, а наклонный пол с тремя проходами – толстый ковер, тоже красного цвета. На сцене по бокам от экрана возвышались позолоченные колонны в ренессансном стиле, а вдоль стен – серебряные канделябры, в которых была скрыта электропроводка. Изготовленные на заказ кресла полыхали бархатом винного цвета.

– Этот Беласко был так богат? – спросила Эдит.

– Полагаю, перед тем как он умер, его состояние насчитывало свыше семи миллионов долларов, – ответил Барретт.

– Умер? – эхом отозвался Фишер.

Он придерживал одну из дверей, чтобы не закрылась.

– Если вы хотите что-то сообщить нам... – сказал Барретт, выходя в коридор.

– Что я могу сообщить? Этот дом пытался меня убить, и ему это почти удалось.

Барретт как будто что-то собрался сказать, но потом передумал и посмотрел вдоль коридора.

– Думаю, эта лестница ведет к бассейну и парилке, – сказал он. – Но пока нет электричества, идти туда не имеет смысла.

Он захромал по коридору и открыл тяжелую деревянную дверь.

– А это что? – спросила Эдит.

– Похоже на домашнюю церковь.

– Церковь? – Флоренс побледнела. Приближаясь к двери, она издала испуганный горловой звук, и Эдит с тревогой посмотрела на нее.

– Мисс Таннер? – окликнул ее Барретт.

Флоренс не ответила. Уже подойдя к двери, она вдруг отшатнулась.

– Лучше не надо, – посоветовал Фишер, но Флоренс покачала головой:

– Я должна.

Она попыталась войти, но со слабым произвольным вскриком опять отшатнулась. Эдит вздрогнула:

– Что там?

Флоренс была не в силах ответить. Она с шумом дышала и только трясла головой. Барретт положил руку на локоть Эдит. Взглянув на мужа, она увидела, как он проговорил одними губами:

– Все в порядке.

– Я должна войти, – словно бы извиняясь, повторила Флоренс. – Пусть не сейчас. – Она глотнула. – Эта атмосфера просто непереносима для меня.

– Мы на минутку, – сказал ей Барретт.

Она кивнула и отвернулась.

Войдя в церковь, Эдит собрала с духом, ожидая какого-то потрясения, но, ничего не ощутив, в замешательстве повернулась к Лайонелу и хотела что-то сказать, потом решила подождать, пока они отойдут от Фишера.

– Почему она не смогла войти? – прошептала она.

– Ее система настроена на психическую энергию, – объяснил Барретт. – Очевидно, здесь очень сильные поля.

– Почему именно здесь?

– Возможно, дело в контрасте. Церковь в аду – что-то вроде этого.

Эдит кивнула и оглянулась на Фишера:

– А его почему это не беспокоит?

– Возможно, он лучше умеет защищаться.

Эдит снова кивнула и остановилась, ожидая, пока Лайонел закончит оглядывать помещение церкви с низким потолком. Здесь было пятьдесят скамеек для посетителей, перед ними стоял алтарь, а над ним, поблескивая в свете свечей, виднелась фигура распятого Иисуса в человеческий рост.

– Это лишь *похоже* на храм, – проговорила Эдит и в шоке отшатнулась, увидев, что фигура Иисуса голая и между ног у нее торчит вверх огромный фаллос.

Глядя на непристойное распятие, она не удержалась от возгласа отвращения. Воздух вокруг словно сгустился и свернулся клубком у нее в горле.

Только теперь Эдит заметила, что стены церкви покрыты порнографическими фресками. Глаз выхватил справа одну, изображавшую массовую оргию с полуодетыми монахинями и священнослужителями, их безумные лица искажала маниакальная похоть.

– Опошление святого, – сказал Барретт. – Древняя болезнь.

– Он действительно был больной, – прошептала Эдит.

– Да.

Барретт взял ее под руку, и, пока он вел ее по проходу, Эдит увидела, что Фишер уже ушел. Они нашли его в коридоре.

– Она *ушла*, – сказал он.

Эдит уставилась на него:

– Как она могла... – Она прервалась, озираясь.

– Уверен, ничего страшного, – успокаивающим тоном произнес Барретт.

– Вы *уверены*? – со злобой проговорил Фишер.

– Я уверен, что с ней все в порядке, – твердо сказал Барретт. – Мисс Таннер! – позвал он. – Пошли, дорогая. – Он двинулся по коридору. – Мисс Таннер!

Фишер молча следовал за ним.

– Лайонел, с чего бы ей...

– Не будем делать скоропалительных заключений, – прервал ее Барретт и позвал снова: – Мисс Таннер!

– Я здесь!

Барретт улыбнулся Эдит и взглянул на Фишера. Напряжение на лице у того не исчезло.

Флоренс стояла в дальнем конце зала. Они поспешили к ней, и их шаги не в такт застучали по полу.

– Вы не должны были так поступать, мисс Таннер, – сказал Барретт. – Все встревожились из-за вас.

– Простите, – ответила Флоренс, но это было лишь формальное извинение. – Я слышала здесь чей-то голос.

Эдит вздрогнула.

Флоренс указала на испанский комод рядом с собой, в ореховое дерево был встроен граммофон. Нагнувшись к его диску, она сняла пластинку и показала им:

– Вот в чем дело.

– Но как он мог работать без электричества? – не поняла Эдит.

– Ты забыла: они пользовались заводными граммофонами.

Барретт поставил подсвечник на комод и взял у Флоренс пластинку.

– Самодельная, – сказал он.

– Беласко.

Барретт заинтригованно посмотрел на нее:

– Это был его голос?

Она кивнула, и он отвернулся, чтобы снова поставить пластинку. Флоренс посмотрела на Фишера, державшегося в нескольких ярдах поодаль, глядя на граммофон.

Барретт покрутил ручку, заводя пружину, тронул пальцем конец стальной иглы и поставил ее на край диска. Из раструба послышался треск, а потом голос.

– Добро пожаловать в мой дом, – сказал Эмерик Беласко. – Я счастлив, что вы смогли прийти.

Эдит прижала к груди руки; ее сотрясала дрожь.

– Уверен, за время вашего пребывания здесь вы многое узнаете.

Голос Беласко был тихим и мягким и тем не менее внушал ужас – голос тщательно контролирующего себя сумасшедшего.

– Печально, что я не могу быть с вами, – продолжал он, – но мне пришлось уйти до вашего прихода.

«Ублюдок», – подумал Фишер.

– Однако не тревожьтесь о моем физическом отсутствии. Считайте меня невидимым хозяином и верьте, что в течение вашего пребывания здесь душой я буду с вами.

Эдит отбивала зубами дробь. *Этот голос.*

– Я обеспечил все, что вам понадобится, – продолжал голос Беласко. – И ничего не упустил. Ходите куда хотите, делайте что хотите – это основополагающий закон моего дома. Чувствуйте себя свободными в любых действиях. Здесь нет никакой ответственности, никаких правил. Единственным правилом должно быть: «Каждый делает что хочет». И пусть каждый найдет ответ, которого ищет. Он здесь, уверяю вас. – Возникла пауза. – А теперь... *auf Wiedersehen.*

Игла на пластинке неприятно закричала. Барретт снял звукосниматель и выключил граммофон. В большом зале стало бесконечно тихо.

– *Auf Wiedersehen*, – повторила Флоренс. – *До встречи.*

– Лайонел...

– Запись не предназначалась для нас, – сказал он.

– Но...

– Это было записано добрых полвека назад. Посмотри на пластинку. – Барретт снял ее. – Это просто совпадение, что слова применимы к нам.

– В таком случае что заставило граммофон звучать? – спросила Флоренс.

– Это другой вопрос, – ответил Барретт. – Сейчас мы обсуждаем запись. – Он посмотрел на Фишера. – В сороковом году он играл сам по себе? В отчетах ничего об этом не говорится. Фишер покачал головой.

– Вам что-нибудь известно об этой записи?

Казалось, Фишер не собирается отвечать, но потом он проговорил:

– Бывало, приходили гости и обнаруживали, что его нет. И тогда для них проигрывалась эта запись. – Он помолчал. – Беласко устраивал такие шутки. Пока гости были в доме, он тайно следил за ними.

Барретт кивнул.

– Значит, опять же, он мог быть невидимым, – продолжал Фишер. – Он заявлял о такой своей способности. Говорил, что может приковать внимание группы людей к какому-либо предмету и двигаться меж ними незамеченным.

– Сомневаюсь, – заметил Барретт.

– Вот как? – Со странной улыбкой Фишер посмотрел на граммофон. – Несколько мгновений назад все наше внимание было приковано к нему. Откуда вы знаете, что он не проскользнул мимо, пока мы слушали?

12 ч 46 мин

Они поднимались по лестнице, когда ощутили ледяное дуновение, отчего язычки пламени на свечах задрожали. У Эдит свеча вообще погасла.

– Что это было? – прошептала она.

– Ветерок, – тут же ответил Барретт и наклонил свою свечу, чтобы зажечь фитиль на потухшей. – Обсудим это позже.

Эдит глотнула и взглянула на Флоренс. Барретт взял ее под руку, и они продолжили подниматься по лестнице.

– В течение недели будет много подобного, – сказал он. – Ты привыкнешь.

Эдит больше ничего не сказала. Под руку с Лайонелом она продолжала подниматься по лестнице, а Флоренс с Фишером переглянулись.

Они поднялись на второй этаж и, свернув направо, вышли на лоджию. Справа от них тянулась балюстрада. Слева, вдоль обшитой панелями стены, через равные промежутки виднелись двери в жилые комнаты. Барретт подошел к первой, заглянул и обернулся к Флоренс:

– Эта вам нравится?

Та шагнула в дверной проем и чуть погода вернулась:

– Не так уж плохо. – Она улыбнулась Эдит. – Здесь будет удобнее отдыхать вам.

Барретт хотел прокомментировать ее слова, но смягчился.

– Прекрасно, – сказал он и жестом пригласил Эдит войти, а сам вошел следом и закрыл за собой дверь.

Эдит смотрела, как он, хромая, передвигается по спальне. Слева она увидела резные ореховые кровати в ренессансном стиле, между ними стоял столик с лампой, а на нем телефон во французском стиле. Посредине противоположной стены располагался камин, а перед ним стояло ореховое кресло-качалка. Тиковый пол почти целиком был закрыт синим персидским ковром тридцать на тридцать футов, в центре помещения располагался П-образный стол с обтянутым красной кожей креслом по соседству.

Барретт заглянул в ванную и обернулся к Эдит.

– Насчет ветерка, – сказал он. – Я не хотел вовлекать в разговор мисс Таннер – вот почему я замял это.

– Но это действительно было, верно?

– Конечно, – с улыбкой ответил он. – Проявление простой кинетики: неуправляемой, неразумной. Что бы ни думала мисс Таннер. Мне следовало упомянуть об этом до нашего отъезда.

– Упомянуть о чем?

– Что тебе надо привыкнуть к тому, что она будет говорить всю эту неделю. Она, как тебе известно, спирит. Бессмертие души и общение с так называемым бестелесным лежит в основании ее верований, которые я и хочу опровергнуть. А пока, – он улыбнулся, – приготовься выслушивать изложение ее взглядов. Не могу же я постоянно просить бедную женщину помолчать.

У правой стены размещались две кровати с причудливо вырезанными спинками, а между ними – большой комод с ящиками. На потолке над комодом висела большая серебряная итальянская лампа.

Прямо перед Флоренс у замурованного окна стоял испанский стол с таким же стулом. На столе – китайская лампа и телефон во французском стиле. Флоренс подошла и сняла трубку. Никакого гудка. «А чего я ожидала?» – удивленно подумала она. В любом случае им, несомненно, пользовались лишь для звонков внутри дома.

Она обернулась и оглядела комнату. Что-то в ней было. Но что? Индивидуальность? Остатки эмоций? Флоренс закрыла глаза и подождала. Несомненно, в воздухе что-то витало. Она ощущала, как что-то перемещается и вибрирует, наплывает на нее, а потом отступает, словно какой-то невидимый боязливый зверь.

Через несколько минут она открыла глаза. «Оно придет», – возникла мысль. Флоренс прошла к ванной и покосилась на белые кафельные стены, отражавшие огонек свечи. Поставив подсвечник на раковину, она открыла кран с горячей водой. Какое-то время ничего не происходило, а потом в раковину с шумом хлынула ржавая вода. Флоренс дождалась, пока вода немного стекла и стала чище, а потом подставила руки и вскрикнула от ледяного холода. «Надеюсь, водогрей не сломался, как генератор», – подумала она и, нагнувшись, плеснула холодной водой себе в лицо.

«Мне следовало зайти в церковь, – промелькнуло в голове, – не надо было отступать перед первым же вызовом». Флоренс вздрогнула, вспомнив страшное головокружение, охватившее ее перед входом. Жуткое место. Но нужно было просто преодолеть себя и подойти, вот и все. Однако от такого усилия она могла упасть в обморок. «В ближайшее время войду», – пообещала себе Флоренс. Бог даст сил, когда придет время.

Его комната была меньше, чем у других. Здесь стояла лишь одна кровать с балдахином. Фишер сел на пол рядом и стал рассматривать затейливый узор на ковре. Он ощущал дом вокруг себя как некое огромное существо. «Дом знает, что я здесь, – подумал он, – и Беласко знает, все они знают, что я здесь. Я – единственный их промах». Они наблюдали за ним, ожидая, что он предпримет.

Но он не собирался раньше времени что-либо предпринимать, это точно. Он не собирался ничего делать, пока не прощупает как следует это место.

14 ч 21 мин

Фишер со своим фонариком вошел в большой зал. Он переоделся в черный свитер с высоким воротником, черные вельветовые брюки и поношенные белые кроссовки и неслыш-

ными шагами подошел к огромному круглому столу, где сидел Барретт, а рядом стояла Эдит. Они открывали деревянные ящики и выгружали оборудование. В камине горел огонь.

Эдит вздрогнула, когда Фишер возник из полумрака.

– Помочь? – спросил он.

– Нет, все в порядке, – с улыбкой ответил Барретт. – Однако спасибо за предложение.

Фишер уселся на один из стульев. Его глаза не отрывались от высокого бородатого Барретта, пока тот вынимал из защитной стружки приборы, тщательно вытирал их тряпкой и выкладывал на стол. «Волнуется за свое оборудование», – подумал Фишер. Он достал из кармана пачку сигарет и закурил, глядя на прыгающую по стене тень Эдит, которая взяла другой ящик и подтащила к столу.

– По-прежнему преподаете физику? – поинтересовался Фишер.

– Насколько позволяет здоровье. – Барретт поколебался, но продолжил: – Когда мне было двенадцать, я перенес полиомиелит, и с тех пор у меня частично парализована нога.

Фишер молча смотрел на него. Барретт достал из ящика еще один прибор, вытер его и, положив на стол, взглянул на Фишера:

– Но это не повлияет на наш проект.

Тот кивнул.

– Вы называли пруд Ублюдочной Топью, – сказал Барретт, возвращаясь к своей работе. – Почему?

– Некоторые женщины, приходившие в гости к Беласко, забеременели, пока были здесь.

– И они в самом деле... – Он не договорил и посмотрел на Фишера.

– Тринадцать раз.

– Это отвратительно, – вырвалось у Эдит.

Фишер выдохнул дым.

– Здесь случалось много отвратительных вещей.

Барретт осмотрел выложенные на стол приборы: астатический гальванометр, зеркальный гальванометр, квадрантный электрометр, весы Крукса, фотоаппарат, сетчатый барабан, поглотитель дыма, манометр, платформу для взвешивания грузов, магнитофон. Осталось распаковать контактные часы, электроскоп, фонари (обычные и инфракрасные), максимальный и минимальный термометры, гигроскоп, стенометр, флуоресцирующий сульфидный экран, электропечь, ящик с сосудами и пробирками, материалы для литья и кабинетное оборудование. «И самый важный прибор», – с удовлетворением подумал Барретт.

Он распаковывал стойку с красными, желтыми и белыми фонарями, когда Фишер спросил:

– Как вы собираетесь использовать все это, когда в доме нет электричества?

– Завтра будет, – ответил Барретт. – Я звонил в Карибу-Фолс. Кстати, телефон у входной двери. Утром установят новый генератор.

– Думаете, он будет работать?

Барретт подавил улыбку:

– Будет.

Фишер промолчал. На другом конце зала в камине треснуло полено, отчего Эдит, направлявшаяся к следующему ящику, вздрогнула.

– Не бери этот, он слишком тяжелый, – сказал ей Барретт.

– Я помогу. – Фишер встал со стула, подошел к Эдит и, наклонившись, поднял ящик. – Там что, наковальня? – спросил он, поставив тяжесть на стол.

Снимая верхние доски, Барретт заметил его любопытный взгляд.

– Помогите, пожалуйста, – попросил он, и Фишер вытащил громоздкий металлический прибор и поставил его на стол.

Это был покрашенный темно-синей краской куб с простым циферблатом на передней панели, пронумерованным от 0 до 900; тонкая красная стрелка указывала на ноль. На верхней крышке были по трафарету нанесены черные буквы: БАРРЕТТ – ЭМР.

– Что за ЭМР? – спросил Фишер.

– Объясню позже, – ответил Барретт.

– Это ваш аппарат?

Барретт покачал головой:

– Он еще не готов.

Услышав стук каблуков, они обернулись к арке. Со свечой в подсвечнике к ним шла Флоренс. Она переоделась в толстый зеленый джемпер на застежке, толстую твидовую юбку и надела туфли на низком каблуке.

– Привет! – весело сказала она и, увидев на столе строй приборов, улыбнулась. – Не хотите пройтись со мной? – спросила она Фишера.

– Почему бы и нет?

Когда они ушли, Эдит увидела на столе отпечатанный список и взяла его. Заголовок гласил: «Замеченные в доме Беласко парапсихические явления».

«Аутоскопия, биологические явления, взаимопроникновение материи, видение прошлого, видение с закрытыми глазами, видения, вневременные ощущения, водяные брызги, возникновения, воплощения, ворожба, гадание с помощью магического кристалла, газетные проверки, гиперамнезия, гиперэстезия, глоссолалия, голоса, дематериализация, дуновения, завязывание узлов, запахи, идеоморфизм, идеоплазм, излучение, иллюзии, каталепсии, ксеногlossия, левитация, магнитные явления, материализация, материализация ощущений, метаграфология, моторный автоматизм, навязчивые идеи, надписи на доске, надписи на коже, непосредственное закрашивание, непосредственное рисование, непосредственные голоса, непосредственные надписи, общение, общение во сне, одержимость, отпечатки, ощущения на расстоянии, ощущения цветов, паракинез, парамнезия, парапсихическая власть, парапсихическая фотография, парапсихические дуновения, парапсихические звуки, парапсихические прикосновения, парафиновые отливки, полтергейст, предостережения, привидения, призраки, похищения, появление подписей, предвидение, предчувствия, преобразование, пророчества во сне, прохождение материи сквозь материю, псевдоподи, психокинез, психометрия, радиография, радиэстезия, раздвоения, самоговорение, самозакрашивание, самописание, самопроизвольные голоса, саморисование, сверхчувственное предвидение, светящиеся явления, сенсорный автоматизм, скотография, скриптография, сновидения, сомнамбулизм, способность воспринимать звуки за пределами слышимости, срачивание, стигматы, столкновения, стуки, телекинез, телеплазма, телескопическое видение, телестезия, тестирование книг, типтология, транспортиция, трансцендентальная музыка, удлинение, управление, химикография, химические явления, экстрасенсорика, электрические явления, эманация, ясновидение».

Ошеломленная Эдит положила список обратно. «Боже, – подумала она, – что за неделя нам предстоит?»

14 ч 53 мин

Гараж был построен в расчете на семь автомобилей. Сейчас он был пуст. При входе Фишер выключил свой фонарик, так как сквозь закопченные стекла в двери проникало достаточно света. Он посмотрел на зеленоватую мглу за стеклами.

– Может быть, аппарат лучше поставить сюда, – сказал он.

Флоренс не ответила. Озираясь по сторонам, она прошла по заляпанному маслом полу и, остановившись у полки, потрогала грязный, тронутый ржавчиной молоток.

– Что вы сказали?

– Может быть, аппарат лучше поставить сюда.

Флоренс покачала головой:

– Если что-то случилось с генератором, не будет действовать и аппарат.

Фишер смотрел, как женщина-медиум движется по гаражу. Когда она прошла вблизи, он ощутил запах ее духов.

– Почему вы отказываетесь от действий?

С мимолетной улыбкой Флоренс посмотрела на него:

– Это длинная история, Бен. Когда мы немного успокоимся, я расскажу. А сейчас мне хочется получше прочувствовать это место.

Она остановилась в пятне света и закрыла глаза.

Фишер смотрел на нее. В тусклом освещении женщина с белой как слоновая кость кожей и золотисто-рыжими волосами казалась похожей на фарфоровую куклу.

Спустя какое-то время она снова повернулась к Фишеру:

– Здесь я ничего особенного не ощущаю. Вы согласны?

– Как скажете.

Он включил фонарик, и они по лестнице поднялись в коридор.

– Куда теперь? – спросила Флоренс.

– Я не так хорошо знаю это место. Я пробыл здесь всего три дня.

– Что ж, исследуем. Нет нужды... – Она вдруг замолчала и остановилась, повернув голову вправо, словно услышала сзади какой-то звук. – *Да*. Печаль. Боль. – Флоренс нахмурилась и покачала головой. – Нет, нет. – Она протяжно вздохнула и посмотрела на Фишера. – Вы сами чувствуете.

Он не ответил. Флоренс улыбнулась и отвела взгляд.

– Что ж, посмотрим, что еще тут можно найти. Вы читали статью доктора Барретта, где он сравнивает экстрасенсов со счетчиком Гейгера? – спросила она, когда они шли по коридору.

– Нет.

– Неплохое сравнение. В некотором роде мы действительно похожи на счетчик Гейгера. Подставь нас под парапсихические эманации, и мы начнем тикать. Конечно, разница в том, что мы не только инструмент, но и судьи – мы не только получаем впечатления, но и оцениваем их.

– Угу, – пробурчал Фишер.

Флоренс взглянула на него, но ничего не добавила.

Они стали спускаться по лестнице от церкви, Фишер светил фонариком под ноги.

– Интересно, понадобится ли нам целая неделя, – снова заговорила Флоренс.

– И целый год было бы не слишком много.

Она постаралась, чтобы ее возражение звучало помягче:

– Я видела, как самые темные парапсихические вопросы решались в одну ночь. Мы не должны... – Флоренс замолчала, сжав рукой перила, потом с яростью пробормотала: – *Чертова клоака*. – Ее передернуло, и она покачала головой. – Ах, бедняга. Такая злоба. Такая разрушительная злоба. – Флоренс с трудом вздохнула. – Это очень враждебный человек. И неудивительно. Кто упрекнет его после заточения в этом доме? – Она посмотрела на Фишера.

Дойдя до нижнего коридора, они подошли к металлическим дверям с окошками наподобие иллюминаторов. Фишер толкнул створку и придержал ее для Флоренс. Они вошли, и их шаги резко застучали по плиткам на полу, отдаваясь под потолком.

Размерами бассейн был под стать олимпийскому. Фишер посветил фонариком в мрачную зеленую глубину, потом подошел к краю бассейна и опустил на колени на углу. Засучив рукав свитера, он опустил руку в воду и, поведя ею там, с удивлением проговорил:

– Не очень холодная. И прибывает. Наверное, в бассейне отдельный генератор.

Флоренс посмотрела на поблескивающую воду. По поверхности разошлась созданная Фишером рябь.

– Здесь что-то есть, – сказала женщина и не взглянула на Фишера за подтверждением. Он подошел к ней:

– В другом конце парилка.

– Пойдемте посмотрим.

Гулкое эхо сопровождало их шаги, когда они шли вдоль края бассейна, так что создавалось впечатление, что следом идет еще кто-то. Флоренс взглянула через плечо и прошептала:

– Да.

Фишер открыл очередную тяжелую металлическую дверь и, держа ее раскрытой, осветил внутрь. Квадратная парилка протяженностью двенадцать футов вся была облицована кафелем. Вдоль стен тянулись встроенные деревянные скамьи, а на полу, как окаменевшая змея, изогнулся выплывший зеленый шланг, соединенный с краном.

Флоренс состроила гримасу:

– Извращение. Здесь... – Она глотнула, словно освобождая горло от горькой желчи. – *Здесь*. Но что здесь?

Фишер дал двери хлопнуться, и звук отдался громким эхом. Флоренс взглянула на него, а потом, когда он отвернулся и пошел дальше, догнала и пошла рядом.

– У доктора Барретта хорошее оборудование, не так ли? – проговорила она, стараясь казаться бодрой. – Странно, неужели он действительно верит, что одной наукой можно положить конец силам этого дома?

– А чем же?

– Любовью, – ответила Флоренс и сжала ему локоть. – Мы же знаем это, правда?

Фишер открыл перед ней дверь, и они вернулись обратно в коридор.

– А что там?

Флоренс прошла через вестибюль и открыла деревянную дверь. Фишер осветил внутрь. Там оказался винный погреб, но все его полки и стеллажи были пусты. Флоренс вздрогнула:

– Я вижу этот погреб заполненным бутылками. – Она отвернулась. – Давайте не будем входить.

Они снова поднялись по лестнице и пошли по коридору первого этажа. Проходя мимо двери в церковь, Флоренс поежилась.

– Это место хуже всех, – сказала она. – Хотя я и не видела всего дома, у меня такое чувство... – Ее голос становился все тише, и она прокашлялась. – Когда-нибудь я войду сюда.

Они свернули в прилегающий коридор. В двадцати ярдах впереди в правой стене виднелась арка.

– А что здесь? – Флоренс прошла под арку и затаила дыхание. – *Этот дом*, – проговорила она.

Бальный зал был необъятен, его покрытые парчой стены украшали красные бархатные портьеры. На высоком потолке через равные промежутки висели огромные люстры, а пол покрывал изысканный дубовый паркет. В дальнем конце помещения располагалась ниша для музыкантов.

– Театр – понятно, но это? – недоуменно произнесла Флоренс. – Неужели танцевальный зал может быть обиталищем зла?

– Зло пришло позже, – сказал Фишер.

Флоренс покачала головой:

– Сплошные противоречия. – Она посмотрела на Фишера. – Вы правы, это потребует времени. У меня такое чувство, будто я стою в центре лабиринта, такого запутанного, что перспектива выбраться из него... – Она осеклась. – И все же мы выберемся.

Над головой что-то звякнуло. Фишер резко вздернул руку, направив фонарик на висящую в вышине тяжелую люстру. Хрустальные подвески отразили свет, и на потолке заиграли радужные отблески. Люстра была неподвижна.

– Вызов принят, – проговорила Флоренс.

– Не спешите признавать это, – предостерег Фишер.

Флоренс резко обернулась к нему:

– Вы заблокировались.

– Что?

– *Вы заблокировались*. Вот почему вы ничего не ощущаете.

На лице Фишера появилась холодная улыбка.

– Я не ощутил этого, потому что этого не было. Помните, я тоже был спиритом. И знаю, как вы находите что-то в каждом углу, если захотите.

– Бен, это неправда. – Флоренс как будто ранили его слова. – Это *было*. Вы бы тоже ощутили все это, если бы не противились...

– Я ничему не противлюсь, – оборвал ее он. – Я просто не кладу голову на плаху второй раз. Когда пришел сюда в сороковом году, я был в точности как вы – нет, хуже, гораздо хуже. Я действительно думал, будто что-то собой представляю. Что у меня Божий дар к парапсихическим исследованиям.

– Вы были самым мощным парапсихическим медиумом, какого когда-либо знала эта страна, Бен.

– Не был, а есть, Флоренс. Просто теперь стал чуть осторожнее, вот и все. И предлагаю вам такой же подход. А то вы выглядите так, как будто у вас нервы обнажены. И когда действительно наткнетесь на что-то, оно растерзает вас и вывернет наизнанку. Вы же знаете, это место недаром называют Адским домом. Оно намеревается убить нас всех, так что лучше научиться ограждать себя, пока не будете готовы. А иначе просто станете очередной жертвой в списке.

Они долго молча смотрели друг на друга. Наконец она прикоснулась к его руке:

– Но тот, кто зарывает свой талант...

– О, черт!

Он повернулся на каблуках и зашагал прочь.

18 ч 42 мин

Обеденный зал был шестидесяти футов в длину и такой же высокий, как и широкий, – двадцать семь футов в ширину и в высоту. Попасть в него можно было через арку из большого зала или через двери кухни.

Потолок делили на участки резные панели, известняковый пол был отполирован. Стены на высоту двенадцать футов закрывали деревянные панели, а выше виднелись каменные блоки. В середине западной стены располагался огромный камин, его готическая облицовка достигала потолка. Через равные интервалы над сорокафутовым столом в центре помещения висели четыре огромных церковных светильника с подведенной электропроводкой. Вокруг стола стояло тридцать древних ореховых стульев с красной, как вино, бархатной обивкой.

Все четверо собрались у одного конца стола, Барретт сидел во главе. Невидимая пара из Карибу-Фолс в шесть часов принесла ужин и удалилась.

– Если нет возражений, я бы хотела попробовать вечером устроить сеанс, – сказала Флоренс.

Рука Барретта с ложкой на мгновение замерла, а потом зачерпнула вторую порцию брокколи.

– У меня нет возражений, – сказал он.

Флоренс посмотрела на Эдит, которая покачала головой, и перевела взгляд на Фишера.

– Прекрасно, – сказал он, протягивая руку к кофейнику.

– Тогда после ужина. – Флоренс кивнула.

Ее тарелка была пуста, и с тех пор, как все сели, она пила только воду.

– А вы не устроите сеанс утром, мистер Фишер? – спросил Барретт.

Тот покачал головой:

– Пока нет.

Барретт кивнул. «Тогда дело сделано», – подумал он. Он попросил и получил отказ. Поскольку его роль в проекте требовала помощи физического медиума, Дойч не мог возразить против посылки за одним из его людей. «Превосходно», – подумал Барретт. Утром все будет устроено.

– Ну что ж, – проговорил он, – должен сказать, дом пока что не проявил себя достойным своей репутации.

Фишер оторвал взгляд от своей тарелки.

– Он еще не снял с нас мерку, – ответил он, и его губы на мгновение скривились в невеселой улыбке.

– Я думаю, было бы ошибкой рассматривать дом как темную силу, – сказала Флоренс. – Совершенно очевидно, беду создают по-прежнему живущие личности – кто бы это ни был. Единственный, в ком мы можем быть уверены, – это Беласко.

– Вы сегодня общались с ним, не так ли? – спросил Барретт.

Его голос звучал мягко, но Флоренс уловила в тоне подстрекающую нотку.

– Нет, – ответила она, – но мистер Фишер общался, когда был здесь в сороковом году. И присутствие Беласко было задокументировано.

– О нем сообщалось, – поправил Барретт.

Поколебавшись, Флоренс сказала:

– Я думаю, было бы правильно открыть карты, доктор Барретт. Мне кажется, вы по-прежнему убеждены, что таких вещей, как призраки, не существует.

– Если под призраками вы подразумеваете живущие после смерти личности, то тут вы совершенно правы.

– Невзирая на тот факт, что их видели на протяжении веков? Порой видели сразу несколько человек? Видели животные? И были сделаны фотоснимки? И переданные сведения были позже подтверждены? Что призраки прикасались к людям. Передвигали предметы. И даже были взвешены.

– Эти факты свидетельствуют о неких явлениях, мисс Таннер, а не доказывают существование призраков.

Флоренс устало улыбнулась:

– Даже не знаю, что на это ответить.

Барретт вернул ей улыбку и развел руками, словно говоря: «Мы в этом не придем к согласию, так почему бы не оставить все как есть?»

– Стало быть, вы не признаёте жизни после смерти, – продолжала настаивать Флоренс.

– Это любопытная идея, – сказал Барретт. – У меня нет против нее никаких возражений, пока от меня не требуют поверить в концепцию общения с так называемыми живущими после смерти.

Флоренс печально посмотрела на него:

– Вы говорите так, несмотря на то что сами слышали на сеансах всхлипы радости?

– Я слышал подобные всхлипы и в психбольницах.

– В психбольницах?

Барретт вздохнул:

– Я никого не хотел обидеть. Но это ясно свидетельствует, что общение с умершими привело многих людей к сумасшествию, а не к успокоению души.

– Это неправда, – упрямовствовала Флоренс. – Если бы это было так, все попытки общения с духами давно бы закончились. А они не закончились и продолжают на протяжении веков.

Она пытливо посмотрела на Барретта, словно пытаясь понять его точку зрения.

– Вы называете это любопытной идеей, доктор. Но, конечно же, это нечто большее. А как же религии, принимающие идею о жизни после смерти? Разве не сказал апостол Павел: «Если мертвые не воскреснут, то и вера наша тщетна»?

Барретт не ответил.

– Но вы не согласны, – констатировала очевидное Флоренс.

– Не согласен.

– И можете предложить какую-то альтернативу?

– Да. – Барретт с вызовом встретил ее взгляд. – Альтернатива гораздо интереснее, хотя она сложнее и требовательнее, а именно – *подсознательная сущность*, это обширное, скрытое пространство человеческой личности, которое, как айсберг, лежит ниже так называемого порога сознания. Вот где таится колдовство, мисс Таннер. Не в умозрательном царстве жизни после смерти, а здесь, сегодня, это вызов нам самим. Неоткрытые тайны человеческого многообразия, инфракрасные возможности нашего тела, ультрафиолетовые возможности нашего сознания. Вот альтернатива, которую я предлагаю: *расширенные способности человеческого организма, которые еще не установлены*. Способности, которые, я уверен, и становятся причиной всех этих парапсихических явлений.

Флоренс помолчала, а потом улыбнулась.

– Увидим, – сказала она.

Барретт кивнул:

– Да, увидим.

Эдит оглядела обеденный зал.

– Когда был построен этот дом? – спросила она.

Барретт посмотрел на Фишера:

– Вы не знаете?

– В тысяча девятьсот девятнадцатом, – ответил тот.

– Из некоторых сказанных вами сегодня слов у меня сложилось впечатление, что вы кое-что знаете о Беласко, – сказал Барретт. – Может, расскажете? Было бы не лишним, – он подавил улыбку, – зная нашего противника.

«Забавляешься? – подумал Фишер. – Тебе будет не до забав, когда Беласко и прочие примутся за дело».

– Что вы хотите узнать? – спросил он.

– Все, что вы можете рассказать, – ответил Барретт. – Общее описание его жизни может оказаться полезным.

Фишер налил себе еще чашку кофе, поставил кофейник на стол и, обхватив руками чашку, начал рассказ:

– Он родился в тысяча восемьсот семьдесят девятом году, незаконный сын Майрона Сандлера, американского изготовителя военного снаряжения, и Ноэль Беласко, английской актрисы.

– Почему он взял фамилию матери? – спросил Барретт.

– Сандлер был женат, – сказал Фишер и, помолчав, продолжил: – О его детстве ничего не известно, не считая отдельных эпизодов. В пять лет он повесил кошку, чтобы посмотреть, оживет ли она для второй из своих девяти жизней. Когда она не ожила, он рассердился, разрубил ее на куски и выбросил их из окна спальни. После этого мать прозвала его Порочным Эмериком.

– Я полагаю, он воспитывался в Англии, – вскользь заметил Барретт.

Фишер кивнул.

– Следующий подтвержденный эпизод – нападение с сексуальными намерениями на младшую сестру, – продолжил он.

Барретт нахмурился:

– И все будет в том же роде?

– Он прожил не образцовую жизнь, доктор, – язвительно проговорил Фишер.

Барретт поколебался.

– Ладно, – сказал он и посмотрел на Эдит. – Ты не возражаешь, дорогая?

Эдит покачала головой, и он взглянул на Флоренс:

– Мисс Таннер?

– Нет, если это поможет что-то понять, – сказала та.

Барретт сделал знак Фишеру, прося его продолжить.

– После этого нападения сестра два месяца пролежала в больнице, – сказал Фишер. – Не буду входить в детали. А Беласко отправили в частную школу – в то время ему было десять с половиной. Там его много лет обижали, особенно досаждал один учитель-гомосексуалист. Позже Беласко пригласил его на недельку в свой дом, и к концу этого срока уже ушедший на пенсию учитель вернулся домой и повесился.

– А как Беласко выглядел? – спросил Барретт, стараясь направлять рассказ Фишера.

Фишер погрузился в воспоминания и через некоторое время процитировал:

– «Зубы как клыки хищника. Когда он обнажает их в улыбке, создается впечатление рычащего зверя. Лицо белое, так как он ненавидит солнце и избегает выходить на улицу. Удивительно зеленые глаза, которые словно обладают каким-то внутренним светом. Лоб широкий, волосы и коротко подстриженная борода черные как смоль. Несмотря на красоту, лицо его пугает – это лицо некоего демона, принявшего человеческий облик».

– Кому принадлежит это описание? – спросил Барретт.

– Его второй жене. Она покончила с собой в двадцать седьмом.

– Вы помните это описание дословно, – сказала Флоренс. – Наверное, перечитывали его много раз.

Фишер хмуро улыбнулся:

– Как сказал доктор, надо «знать противника».

– Он был высокий или нет? – спросил Барретт.

– Высокий. Шесть футов пять дюймов. Его прозвали Рычащим Гигантом.

Барретт кивнул:

– Образование?

– Нью-Йорк, Лондон, Берлин, Париж, Вена. Ни одного специализированного курса. Логика, этика, религия, философия.

– Мне представляется, достаточно, чтобы дать рационалистическое объяснение его действиям, – сказал Барретт. – Свои деньги он унаследовал от отца, не так ли?

– В основном. Мать оставила ему несколько тысяч фунтов, а отец – десять с половиной миллионов долларов, свою долю от продаж винтовок и автоматов.

– Это могло вызвать у него чувство вины, – сказала Флоренс.

– Беласко в жизни не испытал ни тени угрызений совести.

– Что лишь убеждает в его умственных отклонениях.

– У него могли быть умственные отклонения и в то же время блестящий интеллект, – продолжил Фишер. – Он разбирался во всех предметах, которые изучал. Говорил и читал на дюжине языков. Интересовался натуральной и метафизической философией. Изучил все религии, каббалистику и доктрины розенкрейцеров, древние таинства. Его ум был кладовой сведений, энергетической станцией. – Он помолчал. – *Склепом фантазий*.

– Он кого-нибудь любил в своей жизни? – спросила Флоренс.

– Он не верил в любовь, – ответил Фишер. – Он верил в волю. «Эта редкая собственная кинетическая энергия, этот магнетизм, это самое таинственное и всеподавляющее наслаждение ума: влияние». Конец цитаты. Эмерик Беласко, тысяча девятьсот тринадцатый год.

– Что он понимал под «влиянием»? – спросил Барретт.

– Способность ума доминировать, – ответил Фишер. – Способность одной человеческой личности управлять другими. Он определенно обладал какой-то гипнотической силой, как Калиостро или Распутин. Цитата: «Никто никогда не приближался к нему слишком близко, чтобы его страшное присутствие не подавило и не поглотило их». Снова его вторая жена.

– У Беласко были дети? – спросила Флоренс.

– Говорят, был сын. Впрочем, точно никто не знает.

– Вы сказали, дом был построен в девятнадцатом году, – сказал Барретт. – И разложение началось сразу же?

– Нет, сначала дом славился своим гостеприимством. *Haut monde*², рауты. Широкие балы. Вечерние приемы. Люди съезжались со всей страны и со всего мира, чтобы провести здесь уик-энд. Беласко был превосходным хозяином – утонченным, обаятельным. Потом... – Фишер поднял правую руку, почти соединив большой и указательный пальцы. – В тысяча девятьсот двадцатом – «*un peu*»³, как он называл это, *sourçon*⁴ деградации. Вхождение, шаг за шагом, в явную похоть – сначала в разговорах, потом в поступках. Сплетни. Придворные интриги. Аристократические махинации. Вино рекой и альковная возня. Все это порождалось Беласко и его влиянием.

Все, что он делал в этой фазе, было подражанием образу жизни европейского высшего общества восемнадцатого века. Как он все это делал, слишком долго объяснять. Однако все устраивалось весьма тонко, с огромным мастерством.

– Полагаю, результатом этого явилась прежде всего половая распущенность, – сказал Барретт.

Фишер кивнул:

– Беласко учредил клуб под названием «Les Aphrodites». Каждую ночь – а потом два и даже три раза в день – они устраивали собрание; Беласко называл это симпозиумом. Принимали всевозможные наркотики и возбуждающие средства, садились за стол в большом зале и говорили о сексе, пока все не доходило, по выражению Беласко, до «сладострастия». И тут начиналась оргия.

Однако это был не исключительно секс. Принцип излишества применялся здесь к каждой фазе жизни. Обеды превращались в обжорство, питье – в пьянство. Расцвела наркомания. И его гости извратились как в физическом смысле, так и в умственном.

– Как это? – спросил Барретт.

– Представьте двадцать или тридцать человек, которые мысленно подзадоривают друг друга – подталкивают делать друг с другом все, что хочется, никаких ограничений, кроме собственного воображения. И когда их мысли начали распускаться – или, если хотите, замыкаться на одном, – то же самое произошло со всеми аспектами их совместной жизни здесь. Люди стали задерживаться здесь на месяцы, потом на годы. Этот дом стал для них образом жизни. Образом жизни, который с каждым днем постепенно становился все более безумным. В отрыве от сравнения с нормальным обществом общество этого дома само стало считать себя нормой. Нормой стала полная вседозволенность. А вскоре стала нормой зверская жестокость и резня.

– Как же могла вся эта... вакханалия оставаться без последствий? – спросил Барретт. – Несомненно, кто-то должен был – как это говорят? – призвать Беласко к порядку.

– Дом стоит в отдалении, действительно в отдалении от всех. Здесь не было телефонной связи с внешним миром. И к тому же, и это не менее существенно, никто не отваживался вступить в противостояние с Беласко, все слишком боялись его. Иногда частные детективы

---

² Высшее общество (фр.).

³ Немного (фр.).

⁴ Здесь: капля (фр.).

могли сунуть нос, но никогда ничего не находили. Когда случалось расследование, все вели себя подобающим образом. Никогда никаких свидетелей. А если были, Беласко подкупал их.

– И все время люди приходили сюда? – недоверчиво спросил Барретт.

– Валили табунами, – подтвердил Фишер. – Через какое-то время Беласко так надоело принимать у себя в доме одних неисправимых грешников, что он начал путешествовать по миру, приглашая творческую молодежь посетить его «аристократическое уединение», чтобы написать стихи или картину, или сочинить музыку, или просто поразмышлять. А когда он заполучал их здесь, то, конечно... – Он сделал неопределенный жест. – *«Влияние»*.

– Самое подлое из зол, – сказала Флоренс, – растление невинных. – Она почти что с мольбой посмотрела на Фишера. – Неужели в этом человеке не было хоть капли чего-то достойного?

– Ни капли, – ответил он. – Одним из его любимых занятий было губить женщин. Будучи таким высоким и импозантным, таким обворожительным, он с легкостью мог влюблять их в себя. А потом, когда они теряли от него голову, бросал их. Так он поступил с собственной сестрой – той самой, на которую когда-то напал. Она была его любовницей год. А потом он ее вышвырнул, она стала примадонной в его театральной труппе и наркоманкой. В тысяча девятьсот двадцать третьем году умерла от передозировки героина.

– А сам Беласко принимал наркотики? – спросил Барретт.

– Поначалу. Позже он стал отстраняться от участия в занятиях своих гостей. Ему пришла мысль взяться за изучение природы зла, и он решил, что не сможет этого сделать, если сам будет активным участником. Поэтому он начал удаляться от всего этого, сконцентрировав свою энергию на массовом растлении гостей.

Около тысяча девятьсот двадцать шестого года Беласко приступил к своей последней кампании. Он удвоил усилия, поощряя гостей придумывать всевозможные жестокости, извращения и ужасы. Проводил соревнования, чтобы посмотреть, кто способен на самые жуткие идеи. Начал то, что сам назвал «Дни растления», – дни круглосуточных безумств, непрерывного разврата. Он попытался буквально инсценировать «Сто двадцать дней Содома» маркиза де Сада. И начал ввозить для совокупления со своими гостями уродов со всего мира – горбунов, карликов, гермафродитов и так далее.

Флоренс закрыла глаза и склонила голову, крепко прижав ко лбу сцепленные руки.

– Примерно в это время все и началось, – продолжал Фишер. – Не стало слуг, чтобы поддерживать дом в порядке, – к тому времени они уже ничем не отличались от гостей. Прачечная прекратила работу, и всем нужно было самим стирать свое белье – чего они, конечно, не делали. Не было поваров, и все готовили себе из чего попало – а попадало все меньше и меньше, потому что подвоз продуктов и спиртного почти прекратился из-за отсутствия слуг.

В тысяча девятьсот двадцать седьмом году дом поразила эпидемия гриппа. Поверив нескольким врачам среди своих гостей, что туман в долине Матаваски губителен для здоровья, Беласко замуровал окна. Примерно в это же время главный генератор, который больше никто не обслуживал, начал давать сбои, и всем пришлось по большей части пользоваться свечами. Зимой двадцать восьмого погасла печь, и никто не побеспокоился вновь растопить ее. В доме стало холодно, как в морозильнике. И тринадцать гостей умерли от воспаления легких.

Но никому до этого не было дела. К тому времени все зашло уже так далеко, что всех беспокоило лишь их «дневное меню распутства», как называл это Беласко. К тысяча девятьсот двадцать восьмому году они уже докатились до членовредительства, убийств, некрофилии и канибализма.

Трое слушателей сидели безмолвно и неподвижно, Флоренс склонила голову, Барретт и Эдит устали на Фишера, а тот негромко, без всякого выражения продолжал, словно рассказывал что-то очень обычное:

– В июне двадцать девятого года Беласко устроил в своем театре подобие римского цирка. Кульминацией было поедание девственницы голодным леопардом. В июле того же года группа

врачей-наркоманов начала эксперименты на животных и людях, изучая порог боли, производя замену органов и создавая уродов.

К тому времени все, кроме Беласко, дошли до скотского состояния, они редко мылись, ходили в грязных лохмотьях, ели и пили все, что попадалось под руку, убивали друг друга из-за пищи и воды, спиртного, наркотиков, секса, крови, даже вкуса человечины, который к тому времени многим был уже знаком.

И среди них ходил Беласко, холодный, отстраненный, равнодушный. Беласко, новый Сатана, созерцал свой сброд. Гигантская, устрашающая фигура, смотрящая на созданный им воплощенный ад.

– И как все это закончилось? – спросил Барретт.

– Если бы это закончилось, разве мы были бы здесь?

– *Это закончится теперь*, – сказала Флоренс.

Барретт продолжил свои вопросы:

– И что стало с Беласко?

– Никто не знает, – ответил Фишер. – Когда в ноябре двадцать девятого года родственники некоторых его гостей ворвались в дом, все внутри были мертвы – двадцать семь трупов.

Беласко среди них не было.

20 ч 46 мин

Флоренс прошла в дальний конец огромного зала. Последние десять минут она сидела в углу, «подготавливая себя», как сказала остальным. И теперь была готова.

– Готова настолько, насколько это возможно в таком климате. Чрезмерная сырость всегда мешает, – улыбнулась она. – Зайдем свои места?

Все четверо уселись за огромный круглый стол – Фишер напротив Флоренс, Барретт через несколько стульев от нее, Эдит рядом с ним.

– Я догадалась, – заявила Флоренс, усевшись. – Зло в этом доме сконцентрировалось с такой интенсивностью, что может заманивать земных духов отовсюду. Другими словами, дом может служить гигантским магнитом для падших душ. Это объясняет его замысловатую структуру.

«Что можно на это сказать?» – подумал Барретт. Он посмотрел на Эдит и был вынужден подавить улыбку, увидев, как она уставилась на Флоренс.

– Вы уверены, что это оборудование вас не потревожит? – спросил он.

– Ничуть. Между прочим, было бы не лишним с вашей стороны включить магнитофон, когда Красное Облако начнет говорить. Он может сказать что-нибудь ценное.

Барретт уклончиво кивнул.

– Он ведь тоже работает на батарейках?

Барретт снова кивнул.

– Хорошо. – Флоренс улыбнулась. – Остальные приборы, конечно, мне не нужны. – Она взглянула на Эдит. – Ваш муж, конечно же, объяснил вам, что я не физический медиум. Я лишь вхожу в ментальный контакт с духами и допускаю их только в форме мыслей. – Она огляделась. – Вы не могли бы погасить свечи?

Эдит окаменела, когда Лайонел послунил пальцы и сжал фитиль свечи, а Фишер задул свою. Осталась только ее – крохотный пульсирующий ореол света в безбрежном пространстве зала: камин погас час назад. Эдит не могла заставить себя погасить свечу, и Барретт, протянув руку, сделал это за нее.

Чернота обрушилась на нее, как приливная волна, так что у нее захватило дыхание. Эдит нащупала руку Лайонела, и этот момент напомнил ей, как однажды она была в Карлсбадских

пещерах. В одной из пещер гид выключил свет, и темнота стала такой непроницаемой, что Эдит ощутила, как она давит на глаза.

– О, Дух Любви и Нежности! – начала Флоренс. – Мы собрались здесь этим вечером, чтобы достичь совершенного понимания законов нашего бытия.

Барретт ощутил, как похолодела рука Эдит, и сочувственно улыбнулся, хотя жена не могла этого видеть. Он понимал, каково ей, ведь сам он десятки раз проходил через это, когда только начинал работать. Правда, и она бывала вместе с ним на сеансах, но никогда в помещении такого жуткого размера и с такой жуткой историей.

– Дай нам, о Божественный Учитель, средство общения с потусторонними духами, особенно с теми, кто бродит по этому дому в беспокойных муках.

Фишер издал долгий, неровный вздох. Ему вспомнилось, как он впервые устроил сеанс здесь в 1940 году – в этом же зале, за этим самым столом. Все предметы вокруг как будто кто-то расшвыривал, один «случайно» угодил в доктора Грэма. Воздух тогда наполнял зеленоватый светящийся туман. Фишер ощутил сухость в горле. «Я не должен устраивать здесь сеансы», – подумал он.

– Да будет наша работа по наведению моста через пропасть смерти успешно закончена, чтобы боль превратилась в радость, а печаль в умиротворение. Всего этого мы просим от имени нашего беспредельного Отца. Аминь.

На какое-то время воцарилась тишина. Потом Эдит вздрогнула, когда Флоренс тихим, мелодичным голосом запела:

– Мир ощутил учащенное дыхание с вечного берега небес. И души, поправшие смерть, снова вернулись на землю.

Эдит почувствовала, как вся покрылась мурашками от приглушенного пения Флоренс в темноте.

Когда гимн закончился, Флоренс тяжело задышала и стала делать пассы у лица. Через несколько минут она стала тереть ладонями плечи, провела ими по груди, животу и бедрам. Поглаживания были почти чувственными, ее губы приоткрылись, и на лице отразилось отстраненное оцепенение. Дыхание стало медленнее и громче и вскоре превратилось в свистящие хрипы и придыхания. Ладони теперь вяло лежали на коленях, а локти и плечи слегка подергивались. Постепенно ее голова запрокинулась и коснулась спинки стула. Флоренс издала долгий, неровный вздох и замерла.

В огромном зале не слышалось ни звука. Барретт смотрел на место, где она сидела, хотя ничего не было видно. Эдит закрыла глаза, предпочитая собственную темноту той, что наполняла помещение. Фишер в напряжении сидел на стуле и ждал.

Кресло под Флоренс скрипнуло.

– Я – Красное Облако, – проговорила она звучным голосом. Ее лицо в темноте окаменело в высокомерном выражении. – Я – Красное Облако, – повторила она.

– Добрый вечер. – Барретт вздохнул.

Флоренс что-то проворчала и кивнула:

– Я приходить издалека. Принести привет вам из Вечного Места. Красное Облако рад видеть вас. Всегда рад видеть обитатели Земли собраться в круг веры. Мы всегда с вами, следить и оберегать. Смерть не конец дороги. Смерть только дверь в мир без конца. Это мы знаем.

– А не могли бы вы... – начал Барретт.

– Земные души в узилище, – перебила его Флоренс. – Закованы в темницу плоти.

– Да, да, – сказал Барретт. – А не могли бы вы...

– Смерть – прощение, освобождение. Оставьте то, что поэт зовет «грязными покровами гниения». Найдите свободу – свет – вечное наслаждение.

– Да, но не кажется ли вам...

Эдит закусила губу, чтобы не рассмеяться, когда Флоренс снова перебила:

– Женщина Таннер говорит включить машину, получить голос на ленте. Не знаю, что она имеет в виду. Вы знаете?

Барретт хмыкнул:

– Хорошо.

Протянув руку через стол, он нащупал магнитофон, включил его и пододвинул микрофон к Флоренс:

– А теперь, если позволите...

– Красное Облако ведет женщину Таннер. Ведет второй медиум на этой стороне. Говори с женщиной Таннер. Приведи ей другие духи.

Флоренс вдруг обернулась, оскалив зубы и сдвинув брови, и из ее горла вырвалось недовольное рычание.

– Плохой дом. Место болезни. Здесь зло. Плохое лекарство. – Она покачала головой и снова прорычала: – *Плохое* лекарство.

Она повернулась назад, удивленно ворча, как будто кто-то появился за спиной и привлек ее внимание.

– Здесь человек. Безобразный. Как пещерный человек. Длинные волосы. Грязь на лице. Царапины, нарывы. Желтые зубы. Человек наклонился, скрючился. Без одежды. Как зверь. Тяжело дышит. В муке. Очень больной. Говорит: «Дайте мне покой. Отпустите».

Эдит вцепилась в руку Лайонела, боясь открыть глаза, чтобы не увидеть описанную Флоренс фигуру.

Флоренс покачала головой, а потом медленно подняла руку и указала на вход в зал:

– Уходить. Покинуть дом. – Она уставилась в темноту и с ворчанием повернулась назад. – Нехорошо. Здесь слишком долго. Не слушай. Не понимай. – Она постучала по голове указательным пальцем. – Слишком много болит внутри.

Потом издала звук, словно ее что-то заинтересовало.

– Границы, – сказала она. – Нации. Пределы. Не знаю, что это значит. Крайности и границы. Пределы и крайности. – Она покачала головой. – Не знаю.

Она дернулась, как будто кто-то грубо схватил ее за плечо.

– Нет. Уходи, – пробормотала Флоренс. – Здесь молодой человек. Говорит, должен сказать – должен сказать. – Она снова что-то проворчала, и все стихло.

Все трое вздрогнули, когда Флоренс вскрикнула:

– Я вас не знаю! – Она в безумном волнении обвела глазами стол. – Почему вы здесь? Это плохо. Ничего не меняется. *Ничего!* Убирайтесь отсюда, а не то я вам покажу! Я не могу ничего поделать с собой! Сукины сыны! Пошли к черту!

Эдит плотно прижалась к спинке стула. Голос был совсем не похож на голос Флоренс – истерический, неуравновешенный, угрожающий.

– Как вы не видите, что я ничего не могу поделать! Я не хочу вредить вам, но я *должен!* – Флоренс вытянула вперед голову, закрыв глаза и оскалив зубы. – Предупреждаю, – сказала она горловым голосом. – *Убирайтесь из этого дома, пока я не убил вас всех!*

Эдит вскрикнула, услышав отрывистый стук по столу.

– Что это? – спросила она, но ее голос был заглушен серией диких ударов.

Казалось, какой-то вышедший из себя мужчина в ярости со всей силы стучит по столу молотком. Барретт сделал движение в сторону своих приборов, но вспомнил, что в доме нет электричества, и выругался про себя.

Удары вдруг прекратились. Флоренс застонала, и Эдит посмотрела в ее сторону. В ее ушах все еще раздавались удары, и тело онемело, словно вибрации омертвили его.

Она вздрогнула, когда Лайонел отпустил ее руку. Потом услышала шорох его одежды и снова вздрогнула, когда с его стороны вспыхнул маленький красный огонек. Барретт вынул из

кармана фонарик-ручку и посветил на Флоренс. В тусклом свете Эдит увидела, что ее голова откинулась на спинку, глаза закрыты, язык высунут.

Эдит с испугом ощутила распространяющийся из-под стола холод. Поежившись, она обхватила себя руками. Фишер сжал зубы, удерживая себя, чтобы не вскочить со стула.

Барретт дернул за провод микрофона, и от шороха по столу Эдит снова вздрогнула.

– Температура падает, – продиктовал Барретт в микрофон. – Это явно ощущается. Снятие показаний приборов невозможно. Физическому явлению предшествовала серия сильных сотрясений. – Он еще раз посветил на Флоренс. – Реакции мисс Таннер неоднородны. Остается в состоянии транса, но переменного. Возможное частичное затемнение сознания при начале непредвиденного физического явления. Вероятный фактор – отсутствие кабинета. Вкладываю в руку пробирку с раствором солей урана.

Эдит увидела, как красный луч фонарика шарит по столу, потом рука Лайонела взяла пробирку. От холода под столом ломило ноги. И все же она почувствовала себя лучше, невозмутимый тон Лайонела произвел успокаивающий эффект. Она увидела, как он вложил пробирку в руки Флоренс.

Та вдруг выпрямилась и открыла глаза.

Барретт досадливо нахмурился:

– Субъект вышел из транса.

Он выключил магнитофон и чиркнул спичкой. Флоренс отвернулась, когда зажглась свеча.

Фишер встал и двинулся вокруг стола к кувшину с водой. Когда он наливал воду в стакан, край кувшина стучал по стеклу. Барретт взглянул на него. Фишер протянул стакан Флоренс, которая осушила его одним глотком.

– Ну вот, – улыбнулась она Фишеру. – Спасибо. – Флоренс поставила стакан и поежилась. – Что случилось?

Когда Барретт рассказал ей, она в замешательстве уставилась на него:

– Не понимаю. Я не физический медиум.

– Только что были. Во всяком случае, зарождались как таковой.

Флоренс обеспокоилась:

– Это бессмыслица. С чего бы это мне через столько лет становиться физическим медиумом?

– Понятия не имею.

Флоренс посмотрела на него, потом неохотно кивнула:

– Да. Этот дом... – Она огляделась вокруг и вздохнула. – Божья воля, не моя. Если моя роль в очищении его состоит в изменении типа медиума, пусть так и будет. Важен только результат. – Взглянув на Фишера, она подумала: «С его плеч груз переместился на мои».

– Если вы в состоянии, мы можем теперь поработать вместе, – сказал Барретт.

– Да, конечно.

– Я позвоню человеку Дойча и попрошу завтра утром позаботиться о сооружении кабинета.

Барретт не был уверен, что все происшедшее указывает на способности Флоренс как физического медиума, достаточные для его целей, но определенно не лишним было проверить, не имеет ли она такой способности. Если так, работа с ней могла бы ускорить дело, во всяком случае, это было бы лучше, чем ждать разрешения Дойча на привлечение собственного персонала Барретта.

Увидев на ее лице тревогу, он спросил:

– Вы действительно этого хотите?

– Да, да, – неуверенно улыбнулась Флоренс. – Просто... видите ли, мне трудно это понять. Все эти годы я была ментальным медиумом. – Она покачала головой. – И вот вам. – Она насмешливо хмыкнула. – Поистине пути Господни неисповедимы.

– Как и пути этого дома, – заметил Фишер.

Флоренс удивленно взглянула на него:

– Вы думаете, дом имеет какое-то отношение к тому, что я...

– Просто будьте осторожны, – перебил ее он. – Господь может и не иметь большой власти в Адском доме.

21 ч 49 мин

«Наука – это не просто совокупность фактов. Прежде всего это метод исследования, и нет никакой вразумительной причины, почему бы парапсихические явления не исследовать по этому методу, поскольку парапсихология, так же как физика и химия, – естественная наука.

А значит, это интеллектуальный барьер, который человек неизбежно должен преодолеть, как только парапсихология будет классифицирована как философская концепция. Это биологическая реальность, и наука не может постоянно избегать этого факта. И так уже потеряно слишком много времени у дальних границ этого неопровержимо существующего царства. Теперь нужно войти, изучить его и исследовать. Морселли выразил это так: „Пришло время положить конец этому демонстративному, негативному отношению, этому постоянному наведению тени сомнения улыбкой или сарказмом“.

Печальным проклятием нашего времени является то, что эти слова были опубликованы шестьдесят лет назад, – потому что негативное отношение, о котором писал Морселли, по-прежнему преобладает. В самом деле...»

– Лайонел?

Барретт оторвался от рукописи.

– Тебе помочь?

– Нет, я закончу через несколько минут.

Он посмотрел на сидящую на кровати Эдит. На ней была синяя пижама, а короткие волосы и хрупкая фигура придавали ей детский вид. Барретт улыбнулся жене.

– Ладно, это может подождать, – решительно сказал он, положил рукопись в ящик и взглянул на титульный лист: «Пределы человеческих возможностей. Автор: Лайонел Барретт, бакалавр естественных наук, магистр гуманитарных наук, доктор философии». Увиденное удовлетворило его. Все и правда шло чудесно. Есть возможность доказать свою теорию и пополнить пенсионный фонд, и к тому же книга почти готова. Возможно, он припишет эпилог о проведенной здесь неделе или даже сделает отдельное тоненькое приложение. С улыбкой Барретт потушил свечу на П-образном столе, встал и подошел к постели. На мгновение он представил себя эдаким бароном, идущим через дворцовые покои, чтобы пообщаться со своей леди. Это зрелище позабавило его, и он усмехнулся.

– Что? – спросила Эдит.

Он рассказал ей, и она улыбнулась:

– Это фантастический дом, правда? Музей сокровищ. Если бы им не владели темные силы...

Выражение лица Лайонела не дало ей договорить.

Барретт сел на ее постель и прислонил рядом трость.

– Ты тогда испугалась? – спросил он. – После того сеанса ты совсем притихла.

– Да, нервы расшатались. Особенно из-за холода. Никак не могу прийти в себя.

– Ты знаешь, что это. Организм медиума поглощает из воздуха тепло и преобразует в энергию.

– А что ты скажешь о ее словах?

Барретт пожал плечами:

– Не поддаются анализу. Чтобы проследить каждую ремарку и определить ее источник, могут понадобиться годы. А у нас всего неделя. Ответ лежит в физических эффектах.

Он замолк, когда Эдит, разинув рот, уставилась ему за спину. Обернувшись, Барретт увидел, как кресло-качалка пошевелилось.

– Что это? – прошептала Эдит.

Барретт встал и, хромя, пересек спальню. Встав рядом с качалкой, он смотрел, как она качается туда-сюда.

– Похоже, сквозняк, – сказал он.

– Она качается так, будто кто-то в ней сидит.

Эдит бессознательно прижалась спиной к подушкам.

– В ней никого нет, уверяю тебя, – успокоил ее Барретт. – Качалку легко раскачать. Вот почему такое явление часто видели в домах, одержимых темными силами. Достаточно небольшого давления.

– Но...

– Что прикладывает давление? – закончил за нее Барретт. – Остаточная энергия.

Эдит вся напряглась, когда он протянул руку, чтобы остановить качалку.

– Видишь? – Он убрал руку, и кресло осталось неподвижным. – Энергия рассеялась. – Он толкнул его, кресло несколько раз качнулось и остановилось. – Все исчезло.

Барретт вернулся к кровати и сел рядом с женой.

– Боюсь, я не очень хороший парапсихический материал, – сказала она.

Лайонел улыбнулся и потрепал ее по руке.

– А почему эта остаточная энергия вдруг раскачала кресло? – спросила Эдит.

– Никакой особой причины я выявить не могу. Хотя наше присутствие в комнате, несомненно, имеет к этому какое-то отношение. Это какая-то случайная механика, следующая по линии наименьшего сопротивления, – звуки и движения, часто случавшиеся в прошлом, устанавливают модель динамики: дуновения, хлопанье двери, стуки, шаги, покачивание кресла.

Она кивнула и потерла кончик носа:

– Тебе пора спать, Лайонел.

Барретт поцеловал ее в щеку, потом встал и перешел к другой кровати.

– Оставить свечку гореть? – спросил он.

– Ты не возражаешь?

– Нет. Пока мы здесь, будем пользоваться ночным светом. Это нам не повредит.

Они улеглись, и Эдит посмотрела на раковину, вырезанную на ореховых потолочных панелях.

– Лайонел, – позвала она.

– Что?

– Ты уверен, что никаких призраков не существует?

Барретт усмехнулся:

– Ни единого.

22 ч 21 мин

Горячая струя воды упала Флоренс на ключицы и хлынула между грудями. Флоренс стояла под душем, закинув голову, зажмурив глаза, и чувствовала, как вода стекает по животу и бедрам.

Она думала о магнитной записи, сделанной во время сеанса. Важным казалось одно: этот безумный дрожащий голос, велевший всем убираться под угрозой смерти. Там что-то было.

Что-то аморфное, едва начинающееся, но неодолимое. *«Разве вы не видите, что я ничего не могу поделать?»* – услышала она жалобный голос у себя в голове. – *Я не хочу вам вредить, но я должен!»*

Здесь могла таиться часть ответа.

Флоренс закрутила краны и, толкнув дверь в душ, ступила на коврик. Поежившись от холода, она схватила с вешалки полотенце и быстро вытерлась, потом надела фланелевую ночную рубашку и засунула руки в длинные рукава. Почистив зубы, она со свечой в руке прошла в спальню, поставила свечу на столик и легла на ближайшую к двери ванной кровать. Чтобы согреть простыни, она подрыгала ногами, потом до подбородка натянула одеяло. Через некоторое время дрожь прошла. Флоренс посплюнула два пальца и, протянув руку, сжала пальцами фитиль свечи.

В доме стояла гнетущая тишина. «Интересно, что делает Бен», – подумала Флоренс и вздохнула. Бедный заблуждающийся человек. Она отогнала эти мысли. Лучше оставить их на завтра. А сейчас нужно подумать о своей роли в проекте. Этот голос. Чей он был? Под его угрозой крылось такое отчаяние, такая терзающая мука!

Флоренс повернула голову к открывшейся двери в коридор и посмотрела на нее через темную комнату. Дверь тихо закрылась.

Послышались шаги: к постели кто-то шел.

– Да? – проговорила Флоренс.

Приглушенные ковром шаги приближались. Она потянулась к свечке, но отдернула руку, поняв, что пришелец – не кто-то из остальных троих. «Ладно», – прошептала она.

Шедший остановился. Флоренс прислушалась. Рядом с кроватью слышалось чье-то дыхание.

– Кто здесь? – спросила она.

Только дыхание. Флоренс вгляделась в темноту, но темнота была непроницаемая. Снова закрыв глаза, она ровным, без тени страха голосом спросила:

– Будьте добры, кто здесь?

Дыхание продолжалось.

– Вы хотите поговорить со мной?

Дыхание.

– Это вы предостерегали нас, велели убираться?

Дыхание участилось.

– Да, – сказала она, – это вы, верно?

Дыхание еще больше участилось. Это было дыхание молодого человека. Флоренс чуть ли не видела, как он стоит у кровати в напряженной позе с мукой на лице.

– Вы должны что-то сказать или дать мне знак, – сказала она и подождала.

Никакого ответа.

– Я жду вас с Божьей любовью. Позвольте мне помочь вам обрести покой, которого, я знаю, вы жаждете.

Послышался... всхлип? Флоренс напряглась:

– Да, я слышу, я понимаю. Скажите мне, кто вы, и я помогу вам.

Вдруг в комнате стало тихо. Приставив руки к ушам, Флоренс прислушалась.

Дыхания больше не слышалось.

С разочарованным вздохом она нащупала на комодке коробок спичек, зажгла свечу и оглядела комнату. Здесь по-прежнему что-то было.

– Мне погасить свечу? – спросила Флоренс.

Тишина.

– Хорошо. – Флоренс улыбнулась. – Вы знаете, как меня найти. В любое время, когда захотите...

Она не договорила и замерла, разинув рот: покрывало поднялось в воздух и проплыло в футах над кроватью, потом замерло и, колыхаясь, опустилось вниз.

Под ним виднелась какая-то фигура.

К Флоренс вернулась способность дышать.

– Да, теперь я вас вижу. Какой вы высокий. – Ей припомнились слова Фишера, отчего по телу прошла дрожь. *Его прозвали Рычащий Гигант*. Уставившись на фигуру, она увидела, как вздымается и опускается широкая грудь, как будто от дыхания.

«Нет, – решительно сказала себе Флоренс. – Это не Беласко». Она скинула простыню и, глядя на фигуру, начала вставать.

Свесив ноги с постели, женщина встала и подошла ближе. Голова фигуры повернулась, словно следя за ней.

– Ведь вы не Беласко, верно? Он не мог испытывать такого страдания. А я чувствую его в вас. Скажите мне, кто...

Покрывало вдруг упало, под ним никого не было. Флоренс какое-то время вглядывалась в темноту, потом наклонилась поднять его.

Она вскрикнула, ощутив, как чья-то рука гладит ее ягодицы, и в гневе обернулась. Послышался смешок – низкий, озорной. Флоренс с трудом набрала в грудь воздуха.

– Во всяком случае, вы выдали свой пол, – сказала она.

Хихиканье усилилось. Флоренс с жалостью покачала головой:

– Если вы такой умный, почему же оказались пленником этого дома?

Хихиканье прекратилось, и все три одеяла слетели с кровати, как будто кто-то сердито сдернул их. Следом полетели простыни, подушки, потом матрац. Через несколько секунд вся постель валялась кучей на ковре, рядом лежал матрац.

Флоренс подождала и, ничего не дождавшись, спросила:

– Теперь вам легче?

Улыбнувшись себе, она стала собирать постель, но что-то пыталось вырвать из рук одеяло. Она дернула:

– Хватит! Не смешно! – Флоренс отвернулась к кровати. – Уходите и не возвращайтесь, пока не научитесь вести себя прилично.

Когда она начала вновь стелить постель, дверь в коридор открылась, но Флоренс даже не обернулась посмотреть, как она закроется.

22 декабря 1970 г.

7 ч 01 мин

– Боюсь, что нет. – Барретт вынул ногу из воды. – Возможно, завтра утром будет потеплее. – Он вытер ногу и, снова надев шлепанец, с виноватой улыбкой посмотрел на Эдит. – Я мог бы дать тебе выпастся.

– Ничего.

Барретт огляделся:

– Интересно, работает ли парилка.

Эдит толкнула тяжелую металлическую дверь и придержала для него. Барретт проковылял внутрь и обернулся посмотреть, идет ли жена за ним. Дверь с шумом захлопнулась. Барретт поднял выше свечу и осмотрелся, а потом, скосив глаза, наклонился:

– А!

Положив трость и поставив свечу, он опустился на колени, чтобы открутить вентиль пара.

Эдит села напротив и прислонилась к кафельной стене, но отпрянула, когда холод от стены проник сквозь халат. Она сонно наблюдала за Лайонелом. Колеблющееся пламя двух свечей и колышущиеся тени на стенах и потолке словно пульсировали у нее перед глазами. Она ненадолго закрыла их, а открыв, снова заметила, что начинает оценивать размеры нависшей над Лайонелом тени на потолке. Тень словно каким-то образом расширялась. Как это возможно? Воздух в помещении был недвижим, и свечи теперь горели ровно. На стенах и потолке виднелась лишь тень Барретта, возящегося с вентилем.

Эдит снова зажмурилась и покачала головой. Она могла поклясться, что края тени расползаются, как клякса. Она подвинулась на скамье. В помещении было тихо, слышалось лишь дыхание Барретта. «Ладно», – подумала Эдит и попыталась сказать это громко, но что-то удержало ее.

Она всмотрелась в тень. Ведь раньше она не доходила до угла? Надо убираться отсюда. Может быть, ничего страшного, но лучше уйти.

Эдит ощутила, как цепенеет. Она увидела, точно увидела, как участок освещенной стены темнеет.

– Лайонел!

Ее возглас был еле слышен, горло словно ослабло. Она с трудом глотнула.

– Лайонел!

Голос наконец прорвался, и Барретт, вздрогнув, резко обернулся:

– В чем дело?

Эдит захлопала глазами. Тень на потолке снова выглядела нормально.

– Эдит?

Она набрала в легкие воздуха:

– Пойдем отсюда!

– Нервы?

– Да, мне... видится что-то.

Она слабо улыбнулась. Ей не хотелось говорить ему. И все же надо было. Если это что-то значит, он должен знать.

– Мне показалось, что тень растет.

Барретт встал, взял трость и подсвечник и подошел к жене.

– Это возможно, но после бессонной ночи в этом необычном доме я склонен думать, что у тебя разыгралось воображение.

Они вышли из парилки и пошли вдоль бассейна. «Это воображение», – уверяла себя Эдит. Она даже улыбнулась. Слышанное ли дело – привидение в парилке?

7 ч 33 мин

Флоренс тихонько постучала в дверь комнаты Фишера. Не услышав ответа, она постучала снова:

– Бен!

Он сидел на кровати с закрытыми глазами, прислонившись головой к стене. На столе справа от него оплыла свеча. Флоренс двинулась через комнату, загородив ладонью пламя своей свечи. «Бедняга», – подумала она, остановившись у кровати. Лицо его осунулось и побледнело. Флоренс подумала, что он, наверное, почти не спал в эту ночь. Бенджамин Франклин Фишер – величайший американский медиум столетия. Его пребывание в доме профессора Гэлбрета в Марксовском колледже явилось самым невероятным проявлением парапсихических способностей со времен расцвета Хоума и Палладино⁵. Она с жалостью покачала головой. Теперь это эмоциональный калека, бывший Самсон, сам лишивший себя силы.

Флоренс вернулась в коридор и, как можно тише закрыв за собой дверь, посмотрела на дверь комнаты Беласко. Вчера они с Фишером ходили туда, но атмосфера там была на удивление спокойной, совсем не такой, как она ожидала.

Она пересекла коридор и снова вошла туда. Это были единственные двухкомнатные апартаменты в доме, гостиная и ванная располагались внизу, а к спальне на антресолях вела изогнутая лестница. Флоренс направилась туда и стала подниматься по ступеням.

Кровать была сделана еще в шестнадцатом веке, во французском стиле, с замысловатыми резными колоннами, толстыми, как телеграфные столбы, и вырезанными на спинке в изголовье инициалами «Э. Б.». Сев на нее, Флоренс закрыла глаза и отдалась впечатлениям, желая убедиться, что это не Беласко был ночью у нее в комнате. Она открыла свое сознание насколько возможно, не позволяя себе, однако, войти в транс.

И в голове начали тесниться образы. Ночь, комната, горят лампы. Кто-то лежит на кровати. Какая-то фигура усмехается. Календарь за 1921 год. Человек в черном. Чувствуется резкий запах ладана. На кровати мужчина и женщина. Картина. Слышны ругательства. У стены валяется бутылка из-под вина. Женщина с рыданиями бросается через перила балкона. В тиковый паркет впитывается кровь. Фотография. Детская кроватка. Нью-Йорк. Календарь за 1903 год. Беременная женщина.

Рождение ребенка. Мальчик.

Флоренс открыла глаза. «Да, – кивнула она. – Да».

Она спустилась по лестнице и вышла из комнаты, а через минуту уже входила в обеденный зал, где завтракали Барретт с женой.

– Вы уже встали? Хорошо, – сказал Барретт. – Завтрак только что принесли.

Флоренс села за стол и взяла себе маленькую порцию омлета и кусочек тоста; днем ей не удастся устроить сеанс, так как надо дожидаться, пока установят кабинет. Она обменялась несколькими ремарками с миссис Барретт, ответила на вопросы самого Барретта, сказав, что, по ее ощущению, лучше дать Фишеру поспать и не будить его, а потом наконец проговорила:

– Кажется, я отчасти получила ответ, кто вселился в этот дом.

– Да ну?

Барретт посмотрел на нее с интересом, явно скорее вежливым, чем искренним.

---

⁵ Даниэль Дуглас Хоум и Юэзия Палладино – знаменитые медиумы XIX века.

– Тот голос, что предостерегал нас. Тот стук по столу. Личность, что ночью явилась мне в комнате. Молодой человек.

– И кто же это? – спросил Барретт.

– Сын Беласко.

Они молча посмотрели на нее.

– Помните, мистер Фишер говорил о нем.

– Но разве он не сказал, что сам не уверен, был у Беласко сын или нет?

Флоренс кивнула:

– Но он был. И теперь он здесь, мучается и страдает. Должно быть, он стал духом в ранние годы – мне ощущается, чуть за двадцать. Он очень молод и очень напуган – а поскольку напуган, то очень зол и враждебен. Я верю, что, если мы убедим его войти с нами в контакт, часть темных сил исчезнет.

Барретт кивнул. «Не верю ни слову», – подумал он и сказал:

– Это очень интересно.

«Я знаю, что он мне не верит, – подумала Флоренс, – но все равно лучше сказать ему, что я думаю».

Она уже хотела сменить тему, когда послышался громкий стук в дверь. Пившая кофе Эдит вздрогнула и облилась. Барретт улыбнулся ей:

– Наверное, привезли генератор. И надеюсь, плотника тоже.

Он встал, взял трость и подсвечник и двинулся к большому залу, потом остановился и оглянулся на Эдит.

– Полагаю, нет никакой опасности в том, чтобы оставить вас на время одних, пока я открою дверь, – помолчав, проговорил он.

Проковыляв через большой зал и вестибюль, Барретт открыл входную дверь и увидел на крыльце представителя Дойча с поднятым воротником и зонтиком в руке. Оказалось, что на улице дождь.

– Я доставил вам генератор и плотника, – сказал пришедший.

Барретт кивнул:

– А кошку?

– И кошку.

Барретт удовлетворенно улыбнулся. Теперь можно начинать.

13 ч 17 мин

Зажегся свет, и все четверо в унисон издали радостный возглас.

– Будь я проклят, – сказал Фишер, и все не удержались от улыбки.

– Никогда не думала, что электрические лампы могут быть такими красивыми, – призналась Эдит.

Залитый светом, большой зал совершенно преобразился. Теперь его размеры казались не зловещими, а царственными. Больше не маячили черные тени, и он представлялся огромным музейным залом, а не населенной призраками пещерой. Эдит взглянула на Фишера. Он был очевидно обрадован: его осанка изменилась, настороженность в глазах исчезла. Она посмотрела на Флоренс, сидевшую с кошкой на коленях, и с улыбкой подумала: «Горит свет. Мирно сидит кошка. Теперь это совсем не похоже на дом с привидениями».

Вдруг лампы замерцали и погасли, и, хотя они тут же зажглись вновь, Эдит обмерла. «Только не это», – прошептала она.

– Спокойно, – проговорил Барретт. – С этим разберутся.

Через минуту лампы горели ровно и ярко. Когда ничего не изменилось и еще через минуту, он улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.